

Паневежис

Совершенно секретно

Экз. № 2271

СБОРНИК КГБ СССР

134

№ 44

Прих. № 1370 Эка. № 2271

СПЕЦБИБЛИОТЕКА
КГБ Литовской ССР

Москва 1989

СБОРНИК КГБ СССР

Основан в апреле 1959 года

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ**134**
ИЮЛЬ
1989
МОСКВА

Интервью Председателя КГБ СССР В. А. КРЮЧКОВА корреспонденту Мос- ковского радио	3
Совещание в КГБ СССР	5
ПЕРЕСТРОЙКА: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮ- ДИ	
ЧП за Полярным кругом. О взаимодействии партийных, советских и чекистских органов в экстремальной ситуации рассказывает народный депутат СССР, первый секретарь Красноярского крайкома КПСС О. С. ШЕ- НИН	6
В. СКОМОРОХОВ — Веление времени Очерк	12
Н. ДОВГОПОЛ, И. ТЯМУШКИН — Деятель- ность инициативника пресечена	22
И. САМОЙЛЕНКО, В. ЛИТВИН — Украин- ские националисты меняют тактику	31
Дискуссионная трибуна. И. ЛЕГАН — Куй- бышевские чекисты предлагают ● И. КУ- РИЛО — Откровенный разговор об аген- туре	35
Письмо в редакцию. Ю. ЛАВРОВ — Спасибо за конкретную помощь!	46

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

А. ГУРСКИЙ — Повышать эффективность работы по делам об утрате документов, содержащих государственную тайну 49

ПОДГОТОВКА И ВОСПИТАНИЕ КАДРОВ

Работать творчески, активно. Обзор редакционной почты 57

На темы дня. Об упорядочении структуры и штатов подразделений системы КГБ СССР и сокращении расходов на их содержание 62

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР В. А. КРЮЧКОВА КОРРЕСПОНДЕНТУ МОСКОВСКОГО РАДИО

28 июня 1989 года

Корреспондент Московского радио Вячеслав Терехов обратился с просьбой к Председателю Комитета государственной безопасности СССР Владимиру Александровичу Крючкову ответить на ряд вопросов для зарубежных радиослушателей.

Корреспондент: Уже сам факт того, что Председатель КГБ СССР дает впервые в истории советского иновещания интервью для зарубежных радиослушателей, свидетельствует о значительной степени демократизации и гласности в СССР. Не могли бы Вы рассказать нашим зарубежным радиослушателям о роли и месте КГБ на современном этапе развития советского общества.

В. Крючков: Я хочу подчеркнуть, что органы госбезопасности — это неотъемлемая и органичная часть нашего советского общества. Те законы, по которым живет наше общество, целиком и полностью распространяются и на органы государственной безопасности. Для того чтобы содействовать созданию нормальных условий для жизни советских людей, мы должны делать то, что нам положено. У нас есть и внешние, и внутренние функции. Наш главный ориентир и наш главный принцип — это законность. Надо действовать в рамках закона. Никогда в мире законы не были идеальными. Они могут быть лишь более или менее совершенными. Но, какими бы ни были законы, мы должны их обязательно соблюдать.

Хотел бы также сказать, что у нас очень высокие требования к тем, кто работает в органах госбезопасности: чистота, честность, долг, верность — это все то, что мы требуем от наших сотрудников, и в этом плане их воспитываем.

Я считаю, что процессы перестройки и расширения гласности, происходящие в Советском Союзе, целиком и полностью относятся и к органам госбезопасности. Мы тоже перестраиваемся во всем. Об этом, например, свидетельствуют те публикации, которые посвящены работе органов госбезопасности. Мы, в частности, рассказали о некоторых конкретных делах наших органов.

Корреспондент: В выступлении на сессии Верховного Совета СССР Председателя Совета Министров Николая Рыжкова отмечалось, что КГБ должен вносить больший вклад в борьбу с организованной преступностью в СССР. Речь идет о борьбе с мафией?

В. Крючков: Думаю, что в Советском Союзе нет мафии в том смысле, в каком мы привыкли это понимать. Но если мы упустим проблему, то, как говорится, бог знает, к чему это приведет. Когда говорят о мафии у нас, то это не совсем точно. Организованная преступность и мафия — это разные вещи. Так думаю не только я, но и другие специалисты. Мафия — это целая организация, мафия — это государство в государстве. У нас пока до этого не дошло.

Корреспондент: А разве события в Фергане — это не последствие деятельности мафии?

В. Крючков: Причины событий в Фергане в другом. Они — следствие напряженности в межнациональных отношениях и социальной сфере. Конечно, они связаны и с тем, что в определенной степени преступникам дали волю. Когда один человек убивает другого только за то, что он иной национальности, — это страшное дело. Было время, когда мы возмущались подобными явлениями в капиталистических странах. Теперь это проявляется и у нас. Но бороться с этим не обязательно только с помощью силы. Есть значительный диапазон средств и методов, с помощью которых можно действовать.

Корреспондент: Есть ли в Ваших планах встреча с руководителем ЦРУ США?

В. Крючков: У нас уже были первые контакты. Есть вопросы, по которым надо чаще контактировать, чаще сотрудничать. Например, борьба с терроризмом. Одно крыло террористов направляет свою деятельность против США, другое — против СССР. Мы все заинтересованы в эффективной борьбе с этим одним из самых негативных явлений XX века. И если мы примем решительные меры, то с этим злом покончим довольно быстро. Не исключено, что будут какие-то остаточные явления. Но это все-таки остаточные явления.

Корреспондент: В советских газетах опубликовано сообщение о скоропостижной смерти советского разведчика Михаила Орлова. Не могли бы Вы рассказать о нем и о его смерти несколько подробнее.

В. Крючков: Тридцатидвухлетний советский разведчик Михаил Орлов (Соутер Гленн Майкл) покончил жизнь самоубийством. Причины его самоубийства чисто внутренние. В письмах, которые он оставил, выражает большую признательность Советскому правительству за то, что оно сделало его личностью. Он был майором КГБ. Был женат, жена — русская. Имел полуторагодовалую дочь. Гленн Майкл родился в США в штате Индиана. Советским гражданином стал несколько лет назад. Имя Михаил Орлов он выбрал себе сам. По оставленным им многочисленным запискам видно, с какой любовью он относился к СССР, к нашему народу. Ему была предоставлена возможность познакомиться с Советским Союзом, поездить по стране. Это был очень одаренный человек, чуткий, заботливый, легко ранимый, и чисто по-человечески для нас — это большая потеря. Гленн Майкл похоронен в Москве, на похоронах присутствовали его родители.

СОВЕЩАНИЕ В КГБ СССР

3 июля в КГБ СССР состоялось совещание руководящих работников подразделений центрального аппарата КГБ СССР и ряда территориальных органов КГБ по вопросам участия органов госбезопасности страны в борьбе с организованной преступностью.

В работе совещания приняли участие представители 48 территориальных органов, четырех особых отделов, 19 главных и самостоятельных управлений и отделов КГБ СССР, Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского и Высших курсов КГБ.

Информацию о состоянии борьбы с организованной преступностью в СССР сделал начальник Управления «В» Третьего главного управления КГБ СССР Д. А. Лукин.

На совещании выступил первый заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков. Он подчеркнул, что организованная преступность приобретает политическую окраску, так как в ряде случаев вступает в борьбу или служит силой, используемой в борьбе за власть, против органов управления, против органов, защищающих эту власть. Центральный комитет партии, Советское правительство ставят задачу борьбы с организованной преступностью и перед органами государственной безопасности.

В прениях приняли участие председатель КГБ Дагестанской АССР В. Ф. Мошков, помощник председателя КГБ СССР С. В. Дьяков, начальник УКГБ по Магаданской области В. Н. Логунов, первый заместитель председателя КГБ Украинской ССР В. М. Евтушенко, председатель КГБ Латвийской ССР С. В. Зукул, председатель КГБ Азербайджанской ССР И. И. Гореловский, председатель КГБ Молдавской ССР Г. И. Лавранчук, начальник второго отдела Следственного отдела КГБ СССР В. М. Кузьмичев, председатель КГБ Туркменской ССР П. М. Архипов.

В заключение перед участниками совещания с развернутой речью выступил член ЦК КПСС, Председатель Комитета госбезопасности СССР В. А. Крючков, который подробно остановился на актуальных вопросах перестройки работы органов КГБ в современных условиях, конкретизировал задачи борьбы чекистских аппаратов с организованной преступностью в стране, подчеркнул необходимость овладения чекистами методами борьбы с ней.

Принято решение о проведении кустовых совещаний по указанному вопросу в Воронеже и Иркутске.

ПЕРЕСТРОЙКА: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЧП ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

О взаимодействии партийных, советских и чекистских органов в экстремальной ситуации рассказывает народный депутат СССР, первый секретарь Красноярского крайкома КПСС О. С. Шенин

На Съезде народных депутатов СССР отмечалось, что запущенность хозяйственно-экономического механизма многих отраслей и предприятий, длительное время не решаемые проблемы, отсутствие широкой разъяснительной работы, практика нажимного, по сути, бездушного отношения со стороны отдельных ведомств и администрации предприятий к запросам трудящихся приводят в последнее время в ряде районов страны к конфликтным ситуациям, влекущим серьезные социально-экономические последствия. Такая обстановка в определенной мере характерна и для Красноярского края, где она проявилась на объектах автотранспорта и авиации, предприятиях угольной промышленности и наиболее остро — в марте — апреле сего года на Норильском горно-металлургическом комбинате (НГМК) Министерства цветной металлургии. Несмотря на то что забастовочное движение в Норильске носило ярко выраженный экономический характер, создавшуюся ситуацию крайком КПСС оценивал и оценивает как весьма серьезную политическую проблему со всеми вытекающими последствиями, и именно поэтому автор хотел бы поделиться своими размышлениями на страницах чекистского Сборника.

Несколько слов о Норильском горно-металлургическом комбинате. Это крупнейший мировой производитель меди, кобальта, никеля и платиноидов; он объединяет в своем составе горно-рудное производство и металлургический передел, многочисленные вспомогательные службы; на основном производстве трудится свыше 115 тысяч человек. Комбинат «заязан» в производственном цикле со 150 смежными предприятиями страны.

Основными причинами забастовки горняков шести рудников комбината, продолжавшейся 12 дней, явились нерешенность вопросов социально-экономического характера (отсутствие действительной хозяйственной самостоятельности комбината и рудников, неудовлетворенность размером заработной платы, «северных» надбавок, выплат при увольнении, условиями труда, продолжи-

тельностью отпусков, уровнем реальной заработной платы по сравнению с «материком» и др.), а также сложившийся командно-административный стиль руководства, который в экстремальных условиях Крайнего Севера предопределил концентрацию власти в руках администрации НГМК и по существу полную зависимость трудящихся от ее действий. Усугубляли положение тяжелые и опасные условия труда горняков, экологически неблагоприятная обстановка в жилой зоне города.

Немаловажное влияние на ситуацию оказывал фактор сложного и неоднородного социального состава населения региона. До 70 процентов рабочих прибыли в Норильск из различных западных областей страны в последние пять — десять лет. В этой среде устойчиво проявляется тенденция рвачества, групповых эгоистических интересов, получения максимальных заработков вне связи с объективными факторами развития Норильского промышленного района и индивидуального трудового вклада. В последние годы значительно уменьшилась прослойка кадрового состава комбината, длительное время определявшая политический и морально-психологический настрой коллектива.

В значительной мере на обстановку повлияли и сопутствующие факторы: общий подъем социально-политической и экономической активности в стране, с одной стороны, и неразрешимость многих, прежде всего экономических, вопросов в реальной жизни горняков — с другой. Нарастающие в связи с этим недовольство, возбуждение и раздражение выдвинули силы, умело спекулирующие на недостатках. Используя демагогически привлекательные лозунги, они сплачивали вокруг себя часть трудящихся на платформе противодействия руководству комбината и города. Проходившие в такой обстановке выборы в народные депутаты и их итоги дополнительно продемонстрировали возможность консолидации трудящихся в этом направлении. Действия отдельных неформальных групп также влияли на развитие ситуации. Недостаточная информированность населения о проделанной руководством комбината и города работе, наличии сложных задач, труднорешаемых проблем, а также отсутствие четкого законодательства и нормативных актов по вопросам борьбы рабочих за свои права создавали впечатление кризисной ситуации и определили казавшийся горнякам единственным путем — забастовка. Информация об удовлетворении требований бастовавших шахтеров Донбасса и Воркуты явилась последним толчком к началу событий.

Краевой комитет партии располагал определенной информацией о назревании указанной обстановки. Объективные и своевременные данные поступали от чекистов края. Их достоверная информация о происходящих реальных процессах, действенности принимаемых мер, об авторитете тех или иных руководителей в рабочей среде и т. п. давала возможность находить наиболее эффективные пути разрешения конфликта. Хотя следует сказать, что на начальном этапе развития кризисной ситуации в действиях партийного и советского актива проявились и элементы растерянности, неспособности найти эффективные пути работы в трудо-

вых коллективах по консолидации здоровых сил, допускались стереотипы в оценке ситуации. Все это происходило по причине психологической неготовности актива как к самому факту забастовки, так и к работе в такой сложной, подчас непрогнозируемой обстановке. Сказывался также элемент выжидательности, пассивного поведения отдельных руководителей в надежде на саморазрешение конфликта.

При получении данных о назревании забастовочных проявлений в Норильске был создан и действовал штаб из числа членов бюро крайкома, Норильского горкома КПСС, руководства Минцветмета, Госкомтруда, представителей ЦК и Таймырского окружкома профсоюзов, правоохранительных органов. При осложнении обстановки на НГМК автору этих строк совместно с начальником Управления КГБ, прокурором и начальником УВД края пришлось на месте принимать непосредственное участие в разрешении возникшего конфликта. При этом основные усилия направлялись на широкую и многоплановую разъяснительную работу, контакты с представителями инициативных групп бастующих рабочих, поиски компромиссных решений и усиление партийного влияния в коллективах.

Осуществлялся медицинский контроль за состоянием здоровья находившихся под землей горняков, их обеспечивали качественным питанием. Проводился комплекс мер по активизации работы средств массовой информации, оперативно был создан пресс-центр, куда практически круглосуточно поступала информация о происходящих событиях и откуда она затем доводилась до населения, в том числе рабочих.

Особое внимание уделялось упреждению негативного развития обстановки, локализации и недопущению нежелательных проявлений, выявлению и пресечению попыток придать действиям бастующих политический характер, положительному влиянию на инициаторов забастовки, склонению их к разрешению спорных вопросов в соответствии с существующим трудовым законодательством. Причем эти мероприятия во многом определялись поступающей из отдела УКГБ информацией. Понятно, что значительная часть вопросов решалась и оперативным путем.

В эти дни Норильский городдел УКГБ работал практически круглосуточно. В целях предупреждения развития событий в направлении экстремизма наряду с изучением и анализом глубинных процессов, происходящих в среде бастующих, сотрудниками отдела обеспечивалось регулярное получение информации об обстановке на других предприятиях комбината, отношении различных слоев населения к указанным событиям и принимаемым мерам по локализации конфликта. Это позволяло штабу своевременно корректировать свою деятельность и вырабатывать наиболее эффективные пути разрешения конфликта.

В период обострения обстановки в Норильске из городдела постоянно, с упреждением поступали сведения об оценке ситуации лидерами местных неформальных организаций и планах их действий.

Важной сферой деятельности городдела являлось предупреждение происшествий на горнорудных предприятиях и объектах жизнеобеспечения, соблюдение надежности хранения взрывчатых, радиоактивных и горючих материалов, оружия.

Безусловно, нас тревожила реальная возможность экстремистских или иных враждебных проявлений, которые в условиях Норильска в сложившейся ситуации могли привести к непредсказуемым последствиям. Следует сказать, что ранее в городе уже имели место подобные проявления: взрывы на руднике «Октябрьский» и в подъезде одного из жилых домов, факт использования в преступных целях радиоактивного изотопа, случаи распространения анонимных документов с призывами и угрозами экстремистского характера. Указанные действия совершались, как правило, в периоды социальных конфликтов в рабочих коллективах. В связи с этим основные усилия чекистов направлялись на исключение подобных действий, борьбу с провокационными выступлениями и различного рода слухами и домыслами, обеспечение безопасности объектов повышенной уязвимости, особенно находящихся в зоне забастовочного конфликта. Одновременно при помощи чекистов уточнялись и перепроверялись данные о причинах и обстоятельствах возникновения конфликта, выдвигаемых требованиях, а также сведения об инспираторах экстремистских проявлений, движущих силах, возможных организаторах и идейных вдохновителях.

Заслуживают внимания некоторые ведомственные оценки, настроения и действия, имевшие место. Так, по мере нарастания серьезности конфликта в выступлениях некоторых представителей Минцветмета, администрации НГМК, актива города звучали голоса о «руке ЦРУ», необходимости более решительных репрессивных действий органов государственной безопасности, сил правопорядка, что использовалось отдельными лицами для нагнетания обстановки, распространения слухов о вводе войск, ограничениях в снабжении продуктами питания и т. д. Все это требовало выдержки, максимальной ответственности в решениях. Естественно, что в такой сложной ситуации та информация, которая поступала в штаб по всем официальным каналам, дополнялась личными наблюдениями. Автору этих строк за дни, проведенные в Норильске, приходилось не только присутствовать на партийных активах, выступать в печати, на телевидении, участвовать в многочисленных совещаниях и заседаниях, но и значительную часть времени уделять непосредственно встречам с рабочими коллективами, представителями инициативных групп. И нужно сказать, встречи эти были непростыми. Порой эмоции перехлестывали через край, звучали резкие оценки, острые вопросы, проявлялись и элементы озлобленности, агрессивности, причем диапазон критических точек был необычно широк — от темы Афганистана, политических и международных проблем до коррупции в обществе, насущных бытовых вопросов. В такой обстановке только опыт — жизненный, профессиональный, партийно-политический — определяет, на мой взгляд, позицию руководителя любого масштаба. Не скрою, и я в эти дни не раз вспоминал свои встречи в трудо-

вых коллективах Ачинска и Красноярска, боевые, напряженные будни Афганистана, беседы в поселках, на фермах и заводах в Хакасии, уроки общения с людьми Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в период его пребывания в крае. И везде главной темой оставался человек, его заботы, его жизнь, его будущее. Поэтому совокупность имеющейся информации позволила совершенно ответственно как определиться в причинах конфликта, так и наметить более эффективные пути их разрешения. Кроме того, объективная самокритичная оценка ситуации давала возможность для обстоятельного разговора с членами Политбюро ЦК КПСС и правительства. Закономерный интерес к создавшейся ситуации был проявлен и руководством Комитета госбезопасности СССР. В процессе состоявшегося обмена мнениями с Председателем КГБ СССР В. А. Крючковым и его первым заместителем Ф. Д. Бобковым выявились общность подходов к оценке обстановки и мерам по ее дальнейшему оздоровлению. Начальнику Управления КГБ края и норильским чекистам спокойный и деловой разговор с руководством Комитета государственной безопасности, в свою очередь, придал большую уверенность и предопределил дальнейшую активную и заинтересованную работу в непростых условиях.

А обстановка на шахте и в городе между тем осложнялась. Находившиеся под землей люди начали чувствовать себя плохо. Отдельных даже пришлось выносить на носилках. Дальнейшее промедление могло повлечь за собой тяжкие последствия как для горняков в шахте, так и в целом для города.

В этих условиях и было принято решение пойти на прямой разговор с находящимися в шахте горняками, куда мы спустились вместе с начальником краевого Управления КГБ. Нам удалось убедить рабочих подняться наверх и там подробно обсудить все их требования. Состоявшиеся затем переговоры с участием министра Минцветмета В. А. Дурасова и председателя Госкомтруда И. И. Гладкого дали возможность найти компромиссные решения, часть справедливых социально-экономических требований горняков была удовлетворена, и в то же время достигнуто понимание с их стороны недопустимости подобной практики решения конфликтов. Последующее развитие событий подтвердило правильность наших совместных действий в экстремальной обстановке.

Особо следует отметить, что при всех обстоятельствах принимаемые решения взвешивались с точки зрения возможных последствий и не последнюю роль в этом вопросе, как уже подчеркивалось, играла объективная информация чекистов края. Да, «руку врага» в этом случае мы не нашли, хотя вопросов с точки зрения чекистских интересов в этой ситуации было немало.

Какие выводы можно сделать из происшедшего, какие уроки можно извлечь с целью обеспечения более эффективного политического руководства обществом в современных условиях?

Прежде всего нуждается в коренном изменении стиль политического руководства со стороны партийных комитетов по углуб-

лению перестройки. В центре этой работы должен быть наш советский человек, не назидательные и поучительные мероприятия, не бумаготворчество и академическая отчужденность, а реальная жизнь во всем ее многообразии, и быть в этой жизни коммунисту надо не столько учителем-наставником, сколько живым ее участником. Нашим хозяйственным руководителям, интеллигенции чрезвычайно важно в сегодняшней обстановке наряду с высокими профессиональными знаниями и навыками занимать гражданско-нравственные, принципиальные позиции, сознавать ответственность за будущее нашей страны.

С учетом того что все мы испытываем недостаток опыта работы в современных условиях, принципиальным моментом, определяющим зрелость и коллектива, и руководителя, должна быть способность постоянно критически анализировать свою деятельность. Необходимо уметь не только видеть недостатки в прошлом, в дне вчерашнем, но и оценивать с критических позиций то, что мы сегодня делаем не так, и постоянно вносить корректировки.

Наши действия не должны ограничиваться выработкой мер реагирования на ту или иную драматическую ситуацию (как это зачастую бывает). Необходимо заранее видеть нарастание социальных, экономических, идеологических, национальных напряжений, уметь решать всю проблему в целом, проявляя при этом максимальную осторожность и взвешенность при оценке ситуации, верность в принципах, решимость в действиях, опираться на поддержку широкой общественности. Причем эта поддержка будет иметь все большее и большее значение. Представляется необходимым осуществление комплекса мер по укреплению дисциплины в трудовых коллективах, повышению правовой культуры населения, воспитанию взаимной ответственности граждан и коллектива перед обществом. При этом правовые институты, закон не должны отставать от быстро меняющейся жизни, как это, к сожалению, часто бывает в сегодняшней обстановке.

Естественно, все эти задачи не имеют, возможно, прямой связи с профессиональной деятельностью органов государственной безопасности, однако личная позиция чекистов, их гражданский и нравственный пример, работа в коллективах своими специфическими методами способны оказывать заметное влияние на состояние дел в нашем обществе.

Кроме того, думается, что для чекистов важным моментом в этих условиях является способность обеспечить поступление достоверной информации обо всех важных событиях нашей жизни. Причем информация должна быть исключительно точной и своевременной, с тем чтобы принимаемые на ее основе решения соответствовали этой точности. Это требует компетенции и высокого профессионализма. В чисто профессиональном плане, думаю, и у чекистов края, с учетом произошедших событий, есть вопросы для размышлений, поиска путей совершенствования своей работы.

г. Красноярск

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

О ч е р к

Полковник В. СКОМОРОХОВ

«Вам, чекистам, надо открыто смотреть людям в глаза...»

Такой необычный, но страстный, вырвавшийся из глубины души наказ получил на встрече с избирателями народный депутат СССР, Председатель КГБ УССР генерал-лейтенант Н. М. Голушко. Безусловно, это всего лишь один из наказов, но он емко и точно передает суть того, что советские люди ждут сегодня от чекистов,— кристальной чистоты их помыслов, дел, устремлений. Об этом генерал-лейтенант Н. М. Голушко рассказал на встрече с чекистским коллективом.

Открыто смотреть людям в глаза... Очи в очи! Быть в авангарде перестройки. Творчески и изобретательно, целеустремленно исполнять свой партийный и профессиональный долг. С кем бы нам ни приходилось беседовать в КГБ УССР, все главным чекистским качеством называют горение. Именно горение! Оно является сейчас определяющим, главенствующим. Нельзя добиваться сегодня значимых результатов без работы с огоньком, без новаторской работы, в которую вкладывают все знания, навыки и духовный порыв, внутренняя потребность. Чтобы не быть голословными, мы покажем это на конкретных примерах.

Съезд народных депутатов СССР вывел нашу страну на качественно новую орбиту демократии и гласности, пробудил в каждом советском человеке чувство личной ответственности и заинтересованности в крупномасштабном обновлении политической, нравственной и социально-экономической жизни общества.

Из партийных установок чекисты делают для себя вывод: в условиях новой политической и нравственной атмосферы добиваться строгой политической выверенности каждого принимаемого решения, каждого действия, высокой политической и правовой культуры, высокой нравственности во всем, что относится к советскому человеку.

I

...ОДНАЖДЫ МАЙОР КИРСАНОВ был близок к провалу.

События закручивались донельзя драматически. В мае 1986 года было не по-весеннему душно. Дождей — ни капли, а тревога за Чернобыль нарастала в сердцах, как грозовая туча. Горел четвертый блок атомной станции, горело, пекло и в сердце у чекиста Кирсанова. Стыд и горечь за свое бессилие лишили его сна и покоя. При встречах с товарищами и своими непосредственными начальниками он опускал глаза. Старался отогнать мрачные

мысли. О чем говорить, как оправдываться, да и возможно ли оправдание, если западные средства массовой информации, начиная от «радиоголосов» и кончая бульварной прессой, на все лады изошлялись: «...Погибло две тысячи человек... Трупы зарываются бульдозерами... В Киеве паника... Существует угроза атомного взрыва...»

Кто-то снабжал их подобными домыслами, расчетливо подогревал и без того сложную ситуацию. Сомнений на этот счет ни у кого из украинских контрразведчиков не было. Но кто и как? Существовала версия: «Капеллан», инженер одного из киевских предприятий, по непроверенным данным — информатор «Кранка», сотрудника посольской резидентуры западноевропейской страны. Поддерживая с «Кранком» дружескую связь, «Капеллан» часто выезжал в Москву на встречи с ним, приглашал в Киев.

Именно майору В. Н. Кирсанову была поручена проверка «Капеллана». Попытка не допустить выезд объекта в Москву для вероятной передачи дипломату образцов грунта и растительности в целях проведения радиологического анализа была организована наспех, неквалифицированно и результата не дала. Да, неудачи преследовали майора В. Н. Кирсанова. «Капеллан» зафиксировал передачу его под наружное наблюдение в Москве. Используя метро, он предпринял попытку уйти из-под контроля и на связь с «Кранком» не вышел. Вернувшись в Киев, резко снизил активность по сбору информации, внешне не поддерживал контакты с иностранцами, очевидно, перевел их на строгую конспиративную основу. Проверка явно «заморозилась», а это, с учетом веления времени и динамично изменяющейся обстановки, было равнозначно провалу!

События торопили. Как говорится, нетерпеливо толкали в спину: действуй немедля! И в то же время, действуя напролом, без оглядки, легко можно споткнуться. И тогда печальный финал — конец разработке. Надо сдерживать, подавлять разбушевавшиеся эмоции. Они — плохие помощники...

С учетом данных об осведомленности «Капеллана» в некоторых формах и методах деятельности советской контрразведки, способах ее выявления, о чем ему рассказывали иностранцы, было принято решение ограничить круг оперативных источников, участвующих в проверке. К сожалению, существующие агентурные позиции требованиям и задачам проверки не отвечали. Было признано целесообразным в качестве основного источника использовать агента «Полевого», имевшего опыт участия в проверке и разработке экстремистски, просионистски настроенных лиц. Выбор был сделан правильно. «Полевого» неоднократно тщательно проверяли с помощью оперативно-технических средств и других источников. Он был дисциплинирован, инициативен, настойчив.

Ввод его в проверку «Капеллана» был обусловлен следующими обстоятельствами: «Полевой» пользовался доверием объекта и был психологически совместим с ним, имел одинаковую профессию с проверяемым, был знаком по прежнему месту работы и также увлекался сауной, благодаря чему они периодически контак-

тировали. Основой для углубления этих контактов послужила мнительность «Капеллана» по отношению к своему здоровью. Используя естественно складывающиеся условия, а именно аварию на ЧАЭС, источнику удалось довести до «Капеллана» мысль о необходимости в интересах личной гигиены и укрепления здоровья регулярно посещать сауну, создать располагающую для общения обстановку. В результате «Полевой» сумел решить ряд конкретных задач.

Крайне необходимо было доказательно подтвердить данные о нахождении «Капеллана» в сфере деятельности противника, выявить направления его использования в подрывных акциях против СССР, а также ряд личных качеств объекта и ситуаций, позволяющих контролировать поведение проверяемого и в выгодном нам плане влиять на него. Наконец, нужно было собрать данные о некоторых конкретных разведывательных возможностях объекта, выявить в его действиях признаки сбора интересующей противника информации, а также пути и способы получения «Капелланом» таких сведений, создать условия, способствующие их легализации, непременно установить ряд связей объекта из числа секретоносителей...

Но в первую очередь следовало узнать враждебные планы и намерения «Капеллана», особенно о поездке в Москву для встреч с «Кранком» и другими иностранцами, уточнить характер их взаимоотношений, насколько они носят преступный характер.

Агенту «Полевому» была тщательно отработана линия поведения человека, разделяющего взгляды объекта и следующего его советам. Умело сыгранная источником роль, «терпимость» к лидерству «Капеллана», отсутствие интереса к его контактам с иностранцами способствовали развитию и укреплению их отношений, исключили необходимость вывода агента из проверки и позволили активно использовать его на заключительном этапе для продвижения к противнику дезинформации.

Вскоре «Капеллан», «подогреваемый» материальными и моральными подачками иностранного дипломата, вновь начал действовать. Пошла утечка тенденциозной информации. Меры же, принимаемые нашей контрразведкой для пресечения этой утечки, не были достаточно эффективными. Сбор и передача информации «Капелланом» производились в устной форме, никаких записей, уликовых данных он не оставлял, и поэтому существовала проблема: как задокументировать враждебную деятельность объекта, как ее легализовать, а затем и решительно пресечь?

СТАРШЕМУ ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОМУ ВТОРОГО управления КГБ УССР майору В. Н. Кирсанову очень помогло хорошее знание психологических особенностей личности объекта, круга его связей. В частности, через оперативные возможности удалось выявить и использовать в целях легализации информаторской деятельности «Капеллана» его близких знакомых: сотрудницу одного из киевских издательств Совкину, а также некую Нинель Крохмалеву, инженера-программиста научно-ис-

следовательского института. Кстати, научная деятельность этого НИИ была связана с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС.

Совкиной было известно о связях «Капеллана» с иностранным дипломатом, а также о попытках инженера через свое окружение собрать информацию социально-политического характера о положении населения, эвакуированного из тридцатикилометровой зоны. Ее боязнь за карьеру облегчила задачу получения от нее заявительских материалов. Но вот как поведет себя скрытная, своеобразная Крохмалева?

«Капеллан» доверял ей, втемную собирая через нее требуемую информацию, в интимной обстановке познакомил с «Кранком», на встречу с которым возил ее в Москву и Крым. Однако анализ материалов в отношении Крохмалевой показывал, что она тяготится знакомством с дипломатом, стремится избегать встреч с ним, хотя «Капеллан» и настаивает на этом. Вскоре причина была установлена — в Москве проживал родственник Крохмалевой, репутацией которого она дорожила, так как он являлся важным секретоносителем.

И тогда было принято рискованное, но оперативно оправданное решение установить ложный контакт с Крохмалевой и провести ее целенаправленный опрос с постановкой конкретных вопросов о преступной деятельности «Капеллана». Правда, риск был обоснован: экспресс-анализ ее личности показал, что она сильно импульсивна, но честна и, какие бы задачи и цели перед ней ни ставили люди, которым она доверяет, выполняет свои обещания с полной отдачей.

Оперативный замысел оправдал даже самые смелые ожидания. Да, Крохмалевой было тяжко. Запуталась в сетях «Капеллана». Но до конца он не подавил, не спеленал ее неспокойную совесть, порядочность... Ей нужен был толчок, чтобы освободиться от его влияния. И роль этого толчка сыграл Кирсанов. Он сумел все-таки доказать, что путь, на который она вернулась, самый правильный. При помощи Крохмалевой удалось не только добить уликовые данные о враждебной деятельности «Капеллана», но и задокументировать разведывательно-подрывную работу самого «Кранка». Его дипломатическая карьера в СССР была завершена, и он вскоре покинул нашу страну.

БОГ С НИМ, С ИНОСТРАНЦЕМ, но ведь «Капеллан» — советский гражданин. Когда и почему он встал на путь предательства? Кто стоял у истоков этого падения? Кто искусно и вероломно подталкивал, направлял его на скользкий путь? Кто этот «режиссер»?

В процессе ряда продолжительных бесед предпринимались попытки выяснить мотивы становления «Капеллана» на враждебный путь. Но для этого нужен был психологический контакт. Трудно, ох, как трудно они — с одной стороны, майор В. Н. Кирсанов, с другой — «Капеллан» — шли к нему. Притирались медленно. Операторник искал общие точки соприкосновения, выяснял слабые и сильные стороны, «уязвимые места» объекта. Благодаря

профессиональному мастерству оперработника контакт получился. В беседах выяснилось, что родственники «Капеллана», эмигрировавшие в 1979 году в США, способствовали формированию у него непреодолимого эгоизма и потребительских взглядов на жизнь. Влияние антисоветских радиопередач, идейно ущербной литературы, а впоследствии и враждебная обработка иностранцами, развратный, тунеядский образ жизни еще более способствовали морально-политическому падению «Капеллана».

В. Н. Кирсанов глубоко переживал, что грамотный инженер, эрудированный человек, сидевший против него, потерян для Родины, которой сейчас трудно и которой нужны умные головы и сильные мастеровые руки. И хотя цель оперативной проверки была достигнута, человеческая, гражданская позиция Кирсанова терпела поражение. Любой случай, когда чекистам не удается предупредить первый шаг человека по преступному пути,— настоящая профессиональная неудача...

II

В ЧЕКИСТСКОЙ СУДЬБЕ В. Н. КИРСАНОВА были и удачи в борьбе за человека.

Молодой, перспективный ученый Шмаков имел более тридцати изобретений, интересных научных публикаций. Природа не обидела его способностями. За разработку и внедрение новой техники он был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования»... И вдруг нелепая, неожиданная метаморфоза, этакая «история с географией». К удивлению всех окружающих Леонид Шмаков без видимых причинувольняется из режимного института и переходит на тренерскую работу в заштатное спортивное общество. Круто изменилась его жизнь из-за безудержного увлечения звукоzapисывающей техникой, а еще больше из-за духовного обнищания. «Фанат» из «фанатов». Подменили человека — и все тут!

Шмаков все больше времени отдавал перепродаже радиоаппаратуры иностранного производства. Постепенно молодой ученый «оброс» связями среди иностранных студентов и аспирантов, обучающихся в вузах Москвы и Киева. Незаметно для самого себя Шмаков скатывался на преступный путь. Кто же он? Отпетый спекулянт, законченный отщепенец, который поддерживает тесные контакты с контрабандистами из иностранцев, подающий надежды тренер или ученый?

Безусловно, у этой довольно банальной истории мог бы быть печальный или даже драматический финал, если бы... Счастливым оказалось, по мнению самого Леонида, это «если бы»... Шмакову редкостно повезло: его пути-дороги пересеклись с пытливым, напористым чекистом майором В. Н. Кирсановым. Проверяя сигнал на Шмакова, поддерживающего контакты с неким «Пауком», Кирсанов утвердился во мнении, что оступившийся молодой ученый — далеко не потерянный для общества человек. Только, чтобы его «воскресить», придется основательно помучиться, повозиться.

Анализируя материалы на Шмакова, Кирсанов отметил для себя поразившее его странное противоречие: как изобретатель и рационализатор Леонид никогда не был «обижен» материально. Суммы гонораров за внедрение результатов его научных и инженерных трудов иногда превышали четырехзначные цифры. Так почему он погнался «срывать рискованные сотни»? А куда девались его гордость, достоинство, честь человека и ученого? А муки совести? Неужели все это для него лишь пустой звук?

Вопросы все накапливались и накапливались. Почему Шмаков превратился в «купца» и «барыгу»? Еще и еще раз чекист перечитывал официальные характеристики и оперативные материалы: «...волевой, настойчивый в достижении поставленной цели... пользуется авторитетом... хороший товарищ...» Как противоречивы оценки его личности? Неужели у него так низка шкала нравственных ценностей? Как пробиться к его разуму, совести? Как его разубедить, позитивно повлиять?

Где же губительная червоточина, которая разрушила этот могучий организм (кстати, в одной из характеристик значилось: «Шмаков — отличный спортсмен, имеет звание «Мастер спорта СССР»)? На выручку пришла книга Д. Карнеги «Как завоевать друзей...»: «...запомните, что человек может быть неправ. Но он так не думает. Не уличайте его в этом. Всякий глупый человек может это сделать. Умные же люди стараются понять человека, а не обвинять его...»

Безусловно, очень полезная, точная мысль! Так мог высказаться только опытный, мудрый психолог, знаток человеческих характеров. И далее: «...у всякого человека имеется причина поступать именно так, а не иначе. Найдите эту скрытую причину и Вы найдете ключ, с помощью которого разгадаете его действия и, может быть, даже его качества...»

Проверка Шмакова через различные источники показала, что он просто-напросто «зарвался». Почекуствовав безнаказанность, потерял меру ответственности за свои поступки, преступил Закон.

...И ВОТ ОНИ СИДЯТ ДРУГ ПЕРЕД ДРУГОМ: Кирсанов и Шмаков. Последний — богатырь, вроде бы закаленный жизнью человек — тщетно пытается взять себя в руки, усилием воли подавить растерянность и страх за свою судьбу. Да, вначале была бравада, попытка выяснить, какими материалами о нем располагают органы госбезопасности. Но поняв, что его потуги безнадежны, он стал давать правдивые объяснения. Главным результатом, ради которого трудился оперработник, были слова Шмакова: «Да, я мразь, спекулянт и подонок, судите меня, но Родину не предавал и никогда не предам! Бес попутал. Но это временно... Вы подставили мне плечо. Из какой жизненной помойки за волосы вытащили, не дали погибнуть, омертвить совести...»

Хранит в своем сейфе майор Кирсанов небольшой по размерам документ — квитанцию из сберкассы, которая удостоверяет, что гражданин Шмаков Леонид Степанович перечислил в доход

государства большую сумму денег. Но более ценный «документ» хранится в самом сердце — чувство глубокого удовлетворения от того, что спас человеческую судьбу.

III

ГДЕ ЖЕ ИСТОКИ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ чекиста-коммуниста В. Н. Кирсанова? Он не принадлежит поколению людей, по-знавших тяготы войны, бессонные ночи восстановительного периода, когда велась не менее беспощадная борьба с разного рода отщепенцами из националистического подполья. Он не знал ежедневного риска, потерю боевых друзей. Не был он и в Афганистане, хотя рядом с ним трудятся многие его товарищи, награжденные боевыми орденами за мужество и отвагу, проявленные при исполнении интернационального долга.

Скорее всего дело в том, что за его плечами два жизненных «университета»: один собственный, а другой его отца — Кирсанова Николая Андреевича, ветерана-чекиста, верного друга и помощника юных следопытов, ведущих поисковую работу на территориях Черновицкой, Ровенской, Волынской, Одесской и других областей Украины.

...ШЕЛ 1950 ГОД. НЕСПОКОЙНЫЙ, ГРОЗНЫЙ. Еще бродили по буковинским и тернопольским лесам банды оуновцев, мешая своими «волчьими» наскоками налаживать мирную жизнь в Западной Украине. Кому-кому, а чекистам ни днем ни ночью покоя не было. Каждый день — засады, вооруженные стычки и потери, потери... Но жизнь брала свое. В семье оперуполномоченного Башковского РО МГБ Черновицкой области лейтенанта Николая Кирсанова ждали второго ребенка. Непременно девочку, так как народная примета гласила: девочки рождаются к долгому миру. А войной в семье Кирсановых были сыты по горло. Сам Николай Андреевич — с 1941-го в Действующей армии. В 1943-м после специальной подготовки в составе одной из чекистских групп ОМСБОН забрасывается в Житомирскую область в тыл врага и участвует в боевых действиях партизанского отряда имени Б. Хмельницкого, рейдами доходит до Чешских Татр. Позже — служба в органах МГБ.

Боевой офицер, награжденный многими орденами и медалями, он находился в первых рядах чекистов Северной Буковины. За голову «Мыколы-москаля», как звали его бандиты, главари подполья обещали отвалить кругленькую сумму в любой западной валюте.

Под стать ему жена, Кирсанова Татьяна Андреевна, сотрудница Башковского райисполкома, бывшая связная одного из партизанских соединений, действовавших на территории Винницкой области. В годы фашистской оккупации, чтобы не быть угнанной в Германию, она облила руку кислотой. От инвалидности спасла народная медицина, знатоком которой была ее мать — Савчук Василиса Ивановна, первый председатель Круподеренского сельско-

вета Погребищенского района Винницкой области, тоже партизанка и подпольщица. Когда пришли немцы, Василиса Ивановна не ушла в партизанский отряд, а осталась в родном селе, хотя вся округа знала ее как « первую большевичку ». Но настолько велик был авторитет этой женщины, что не нашлось ни одного подонка, который бы донес на нее.

Так что братику Леньке нужна была только сестричка — как символ новой послевоенной жизни...

7 июня 1950 года из лесного хутора в Башковцы прибежала Олеся Подоляк — двоюродная сестра одного из пока неуловимых и отличающихся особой жестокостью бандитов по кличке «Юрко». Из ее торопливого, часто прерываемого рыданиями рассказа чекист Н. А. Кирсанов понял, что «Юрко» обещал переночевать у нее на подворье. В случае плохого «приема» грозился сжечь все, убить ни в чем не повинных хуторян. Какая же причина породила в сознании бедной гуцулки мысль об аресте, а может быть, и смерти своего брата? На ответ времени не осталось, надо было действовать...

И вновь засада, привычная тревога ожидания: придет ли? Слова гуцулки оправдались: бандит «Юрко» пришел и был убит в перестрелке, двух его телохранителей захватили несколько позже в ходе чекистско-войсковой операции.

А 9 июня, когда Николай на подводе, где свой последний путь по земле завершал накрытый рядом (домотканой холстиной) «Юрко», подъезжал к райотделу, навстречу ему выбежала соседка и закричала: «Николай, у тебя второй сын родился!..» «Вот и хорошо,— устало подумал он,— куплю одни штаны и будут сыновья по очереди их носить...»

СЕМЬЯ ВЛИЯЕТ НА ФОРМИРОВАНИЕ мировоззрения ребенка двояко: во-первых, через уклад, образ жизни и, во-вторых, посредством целенаправленных воспитательных воздействий. Чаще всего мы и не подозреваем, что становление взглядов ребенка на жизнь начинается с наблюдения за поведением родителей, с тех самых пор, когда они отвечают на вопросы малыша об огромном и непонятном, но таком интересном для него мире... Николаю Андреевичу было что рассказать своим сыновьям, да и вся его жизнь после завершения службы в органах госбезопасности — яркий пример для подражания: замполит железнодорожного училища, заведующий приемной Черновицкого облисполкома, работник одного из режимных заводов.

Он и сейчас на трудовом фронте, хотя ему 72-й год. Но где бы он ни трудился, его всегда отличала предельная честность, активная жизненная позиция, стремление помочь людям, городу, стране. Вообще отец — яркая творческая натура... Поиск оригинальных, неординарных решений, желание сделать лучше, принести людям радость. Склонность к сочинению стихов на дни рождения товарищей он, кстати, по наследству передал сыну. Да и письма друг другу они иногда в шутку рифмуют. А уж ко дню рождения — святое дело!

Друзья отца — партизаны и чекисты, не скрывают при встрече своих эмоций, когда говорят Николаю Андреевичу: «Удался твой второй хлопец... Сын пошел по всем статьям в отца... В нашем полку прибыло! Есть кому передать эстафету, выросла надежная смена...»

IV

«ЕСЛИ ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ ФАУСТОМ И ПРОМЕТЕЕМ, я предпочел бы Прометея», — этой бальзаковской сентенции всем сердцем и умом 22 года назад последовал Валерий Николаевич Кирсанов, определяя свою будущую профессию. Прометей, открывший, если верить легенде, секрет огня человеку, стал символом технических и научных достижений цивилизации.

Вот и выбрал В. Н. Кирсанов своим символом Прометея, поступив на физико-математический факультет Черновицкого государственного университета. Изучая законы высшей школы, он верил, что принадлежит к великой армии Прометеев, бесконечно снабжающих человечество все новыми и новыми захватывающими дух техническими открытиями.

В университете он стал и физиком, и лириком. Эта неожиданная переоценка ценностей то бросала будущего учителя физики в объятия самодеятельной песни, то выводила на подмостки студенческих КВНов и капустников. А желание познать, на что способен сам, заводило в горы, где с тяжелым рюкзаком за плечами он проверял свою выносливость, как физическую, так и духовную. Даже будущую спутницу жизни — жену Наташу — потащил в Карпаты «проверить на прочность». Может уже тогда понимал, что придется вместе переносить «все тяготы и лишения».

Хватает ли у него времени на это теперь или любимая работа поглотила все? Но задав этот вопрос, я сам себе ответил: «Да, хватает». Цельность и устремленность, умение быть собранным и организованным, видеть и выделять главное позволяют ему успевать во многом: уделять внимание жене и детям — ни одно маломальски заметное в городе культурное мероприятие не проходит без этой дружной семьи; прочитывать книжные новинки и потом до хрипоты спорить об их достоинствах или недостатках.

А когда заходит речь о выезде сотрудников отдела на природу, то, как правило, первой к автобусу является чета Кирсановых. Правда, все реже гитару в руки приходится брать главе семейства, хотя дочь Сашенька и просит: «Папа, научи...» Есть и другие «издержки»: Павлика к спорту никак не может приобщить — мама из него «второго Ойстраха» хочет воспитать. Так хочется уделить детям больше времени. Дочь Сашенька «невестится» — свои проблемы, девичьи тайны... У родителей болячки — тоже душа болит. Проблемы, проблемы, проблемы. Все их надо решать. И решают.

В отделе, где служит Валерий Николаевич, им заведена традиция — поздравлять стихами товарищей с днем рождения. Вначале кто-то заподозрил неладное: мол, Кирсанов себе «очки наби-

рает». Но бескорыстие, с которым он это делает уже который год, давно рассеяло сомнения самых недоверчивых.

Альтернатив у контрразведки сегодня нет — работать по старинке или перестраиваться. Складывается тенденция в пользу второго. Но, чтобы способствовать этому, надо, по его мнению, главное внимание сосредоточить на воспитании настоящих чекистов. Чего греха таить, уходим мы от серьезного разговора об издержках контрразведки из-за отсутствия в оперативных подразделениях настоящих разработчиков — талантливых, самобытных, как говорят в народе, «с божьей искрой». Очевидно, что их наличие в отделах и управлениях не арифметический показатель, а качественный признак состояния всей нашей деятельности. Вот и надо заботливо и с дальним прицелом «выращивать», «обкатывать» в конкретных делаах своих Сидоровых, Ивановых, Петренковых, которые могли бы взять на себя груз ответственности за обеспечение перестройки.

ЗАВЕРШАЛСЯ СРОК МОЕЙ КОМАНДИРОВКИ. Накануне еще раз встретился с В. Н. Кирсановым. «Иду на вербовку», — сообщил он. Я пожелал ему удачи и подумал, что человек, которого «под наши знамена» поставит Кирсанов, будет настоящим бойцом...

Перед самым моим отъездом Кирсанов зашел и рассказал, что беседа была очень трудной, кандидат задавал много вопросов и среди них главный, больше всего волнующий его: в стране — напряженная ситуация, не станет ли организация, в негласный аппарат которой предлагают ему влиться, организацией репрессий? Нужны были веские доводы, аргументы, мастерство и, главное, внутренняя убежденность в том, что, предлагая этому взрослому, грамотному человеку негласное сотрудничество в такое время, ты поступаешь архиправильно, по-чекистски, по-партийному, по-граждански. Кандидат попросил время подумать до утра. Подумать. А так как в голосе Валерия Николаевича я услышал радостные нотки, то понял, что все в порядке. Вербовка состоялась. Иначе и быть не могло!

Киев — Москва

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНИЦИАТИВНИКА ПРЕСЕЧЕНА

Полковник Н. ДОВГОПОЛ,
капитан И. ТЯМУШКИН

В марте 1987 года к сотруднику КГБ СССР обратился бывший одноклассник Леонид Бобров, который сообщил, что в беседах с ним и его братом Андреем ведущий инженер Минрыбхоза СССР В. Н. Дмитриев не раз говорил о своем желании перебраться на постоянное жительство за границу. С учетом того, что Дмитриев начал оформляться в круиз по странам Средиземноморья, Л. Бобров высказал предположение о возможности его невозвращения в СССР.

В ходе первичной проверки сигнала было установлено, что Дмитриев после окончания в 1974 году Высшей школы КГБ СССР проходил службу в особом отделе одной из ракетных бригад Ленинградского военного округа, где зарекомендовал себя отрицательно. В 1976 году его исключили из членов КПСС и уволили из органов военной контрразведки по служебному несоответствию. Возвратившись на постоянное жительство в Москву, Дмитриев сменил несколько мест: работал на автозаводе (где восстановился в партии), официантом в ресторане, в ЖЭКе, в Министерстве путей сообщения, а с 1984 года — в Минрыбхозе СССР.

Оперативными источниками по месту работы и жительства Дмитриев характеризовался в целом положительно, как хороший семьянин, искренне привязанный к детям. Отмечалось, что он инициативно обратился к своему руководству с просьбой рекомендовать его для учебы в Университете марксизма-ленинизма при МГК КПСС, в беседах с сослуживцами неоднократно осуждал выезжающих на постоянное жительство за рубеж. Вместе с тем были получены данные, свидетельствующие о неудовлетворенности Дмитриева своим служебным и материальным положением, стремлении выехать в служебную либо туристическую загранпоездку. Это стремление он открыто объяснял желанием получить «статус выездного сотрудника», что якобы позволит ему иметь более широкую перспективу служебного роста.

Определенная сложность оценки достоверности полученного сигнала связывалась с тем, что в процессе дополнительных встреч с оперработниками Леонид Бобров давал путаные пояснения по существу ранее представленных сведений, а Андрей Бобров в ходе легендированной беседы с ним повел себя настороженно, от сообщения какой-либо негативной информации о Дмитриеве уклонился.

С учетом начавшегося оформления В. Н. Дмитриева в туристическую поездку за границу для внесения ясности в характер полученного на него сигнала было решено одновременно побеседовать с обоими братьями. Избранная тактика беседы позволила

получить согласие Андрея Боброва сообщить известные ему данные об изменнических намерениях Дмитриева, а также зашифровать Леонида Боброва как источника первичной информации. В качестве непременного условия Андрей Бобров попросил, чтобы встречу с ним проводил сотрудник КГБ СССР «в звании не ниже полковника и возрастом не моложе 50 лет». Как выяснилось, это требование было продиктовано его желанием избежать беседы с оперработником, который мог быть знаком с Дмитриевым по учебе в Высшей школе КГБ СССР.

На следующей встрече, убедившись, что его условие выполнено, Андрей Бобров охарактеризовал В. Н. Дмитриева как человека, готового ради личной выгоды пойти на любые действия. Сообщил, что в доверительных беседах с ним начиная с 1985 года Дмитриев прямо заявлял, что человек с его способностями только за рубежом может быть оценен по достоинству и обеспечен подобающими ему материальными благами. К концу 1986 года у Дмитриева стали возникать конкретные планы по реализации своих замыслов путем использования различных вариантов бегства за границу. После того как ему не удалось приобрести путевку в круиз по Средиземноморью, Дмитриев стал прорабатывать вопрос о выезде в турпоездку по Югославии. Из СФРЮ после отзыва от тургруппы он планировал перебраться в Италию, где в лагерях для перемещенных лиц вступить в контакт со спецслужбами. По оценке А. Боброва, наличие семьи не являлось для Дмитриева сдерживающим фактором на пути осуществления этих замыслов.

С целью подтверждения полученной информации была организована встреча А. Боброва с Дмитриевым в контролируемых условиях. В результате проведения оперативно-технических мероприятий сведения, ранее представленные А. Бобровым, полностью подтвердились. Было установлено, что Дмитриев действительно, являясь политически незрелым человеком, все имеющиеся в жизни советского общества трудности и недостатки приписывает несостоятельности социалистического строя. Преклоняясь перед западным образом жизни, он вынашивает изменнические намерения, готов использовать различные каналы бегства за границу, чтобы получить там материальные блага, не остановится перед сотрудничеством с иностранной разведкой.

На основании полученных материалов было заведено дело оперативной проверки «Двойник» с окраской «измена Родине в форме бегства за границу» и приняты меры по отводу Дмитриева от турпоездки в Югославию. Предлогом служила его осведомленность в секретах.

Дальнейшие мероприятия по делу предусматривали выявление истинных причин и мотивов формирования у проверяемого враждебного умысла, вскрытие его планов и намерений, наличия у него собранной для передачи противнику информации, предотвращение неконтролируемого выхода на контакт с иностранцами, получение уликовых материалов о действиях объекта по реализации своих замыслов, их документацию и легализацию, изучение характера взаимоотношений с установленными связями.

С учетом профессиональной подготовки объекта, полученной в ходе обучения в Высшей школе КГБ СССР и работы в органах госбезопасности, особое внимание при организации проверки уделялось вопросам конспирации. Это требовало отказа от использования стереотипных мероприятий и комбинаций.

Так, «Двойника» насторожил отказ в выезде за границу, и он активно принимал меры для выявления его истинных причин, в связи с чем в легендированной форме обращался к ряду своих связей, в том числе к сотрудникам органов КГБ. На время своего отсутствия в квартире объект использовал различного рода метки, стремясь обнаружить признаки негласного досмотра, систематически пытаясь выявить наличие за собой наружного наблюдения, опасался слухового контроля.

Для целенаправленного изучения «Двойника» была осуществлена вербовка Андрея Боброва (в дальнейшем — агент «Андреев»), с которым объект откровенно делился своими преступными замыслами, рассчитывая склонить его к совместным действиям по их реализации.

Для обеспечения надежного и систематического контроля за действиями «Двойника» по месту жительства и работы, выявления его связей готовились и проводились оперативно-технические мероприятия, избирательно осуществлялось наружное наблюдение с применением технических средств слухового контроля.

Поверив информации, полученной из различных источников и подтверждающей легендированную причину его отвода от турпоездки и отсутствие интереса к нему со стороны органов КГБ, объект предпринял попытку в нарушение установленного в Минрыбхозе СССР порядка оформиться в служебную командировку в Японию. После того как эта попытка использовать официальные возможности для бегства из СССР была конспиративно предотвращена, он принял решение установить связь с иностранной разведкой на территории СССР путем выхода на посольские резидентуры в Москве.

Опасаясь попасть в поле зрения органов КГБ в случае прямых контактов с дипломатами, объект решил осуществить выход на сотрудника одной из резидентур разведки противника через посредника из иностранных граждан, имеющих связи в посольствах капиталистических стран в Москве.

Реализацию своего замысла «Двойник» вел в двух направлениях. Во-первых, он начал подыскивать место работы, которое позволяло бы ему иметь систематические служебные контакты с иностранными гражданами. Легандируя свои действия на случай возможного интереса со стороны органов КГБ, объект довел до окружения информацию, что желает сменить работу в связи с материальными трудностями и с этой же целью решил продолжить изучение английского языка. Такой же версии он придерживался, обращаясь к работникам органов КГБ с просьбой о трудоустройстве в Управление по обслуживанию дипкорпуса, Центр международной торговли, различные гостиницы «Интуриста».

Принятыми мерами удалось конспиративно пресечь указанные попытки объекта и нейтрализовать возникавшие у него предположения, что отказы в приеме на работу являются результатом действий органов КГБ.

Во-вторых, «Двойник» начал изыскивать возможность выхода на контакт с иностранцами в местах их постоянного пребывания. С этой целью он обратился к офицеру действующего резерва КГБ СССР в Минрыбхозе СССР и предложил свои услуги для использования в контрразведывательной работе по иностранцам с последующей подставой его спецслужбам противника. На основе аргументированных доводов объекту был дан отказ. При этом с целью предотвращения возможных попыток «Двойника» в последующем прикрывать свои действия по выходу на иностранцев интересами органов КГБ оперработник однозначно и категорично предупредил объекта о недопустимости каких-либо несанкционированных шагов с его стороны. Своевременность и правильность такой меры подтвердилась впоследствии при реализации дела.

В июне 1987 года «Двойник» приступил к практической деятельности по претворению своих замыслов в жизнь. Он активно ищет посредника для последующего выхода через него на спецслужбы противника, при этом предпочтение отдает ЦРУ США. Так, объект предпринимал попытки устанавливать контакты с иностранными туристами на улицах Москвы, осуществлял наблюдение за автомашинами с номерными знаками американского посольства. Затем он стал систематически посещать бары и рестораны гостиниц «Интуриста», приглашая с собой для прикрытия трех близких друзей, в том числе агента «Андреева», пытался завязывать на бытовой основе знакомства с различными категориями иностранцев. Причем в ряде случаев достиг определенного успеха. Однако, как показала проверка, закрепить взаимоотношения, перевести их на долгосрочную основу объекту не удавалось.

В частности, в августе 1987 года «Двойник» в баре гостиницы «Интурист» познакомился с сотрудникой представительства одной из английских туристических фирм в Москве «Нелли» и установил с ней близкие отношения. Затем объект обратился к иностранке с просьбой помочь ему выехать за границу либо познакомить с кем-либо из сотрудников посольства США в Москве. Вопреки ожиданиям «Двойника» «Нелли» в категоричной форме отклонила просьбу объекта и прервала с ним всякие отношения.

Связь «Двойника» с англичанкой была задокументирована и легализована путем отбора соответствующих заявительских материалов от некоторых работников «Интуриста».

О серьезности намерений объекта говорил и тот факт, что он посвятил в свои планы жену. Зная, что она имеет эпизодические служебные контакты с сотрудниками американского посольства, осуществляющими закупку книжных изданий в магазине, где она работает, объект стал систематически оказывать на нее целенаправленное воздействие, побуждая к посредничеству в установлении связи с указанными иностранцами. Желая обрести в жене надежного союзника, «Двойник» откровенно рассказал ей о своих

намерениях, мотивировав их стремлением обеспечить материальное благополучие семьи. Объект также заверил жену, что он детально продумал план последующего вывода ее и детей за рубеж.

Проведенными в отношении жены «Двойника» агентурными и оперативно-техническими мероприятиями было установлено, что она от оказания конкретной помощи мужу уклонилась, хотя, желая сохранить семью, открыто реализации его замыслов не противилась.

В ходе встреч с «Андреевым» «Двойник» также настойчиво вел его обработку, склонял агента помочь в установлении связи с сотрудниками разведорганов противника и вместе бежать за границу.

«Андрееву» была отработана линия поведения, не позволяющая объекту втянуть его в противоправную деятельность. Позиция агента, постоянно сомневавшегося в реальности осуществления замыслов «Двойника», обеспокоенного возможными последствиями, выводила объекта из равновесия. Пытаясь убедить нашего источника, он раскрывал свои планы и выбранные пути их претворения.

В дальнейшем агент в откровенных беседах с «Двойником» настаивал, чтобы тот отказался от своих преступных намерений, показывал бесперспективность предпринимавшихся им действий, обращал внимание на негативные последствия, которые могут иметь поступки «Двойника» для членов его семьи, и т. д.

Анализ полученных материалов, последующие шаги объекта показывали, что преступные намерения «Двойника» приобрели устойчивый характер, а все попытки агента «Андреева» склонить его к отказу от реализации противоправных замыслов не приносили ожидаемого результата. Объект продолжал поиск контактов с иностранцами, тщательно конспирируя при этом свои действия.

Отдавая себе отчет в том, что с «пустыми руками» никакая спецслужба его серьезно не воспримет, «Двойник» рассчитывал на возможность передать информацию о своих связях среди сотрудников КГБ, а также использовать для сбора секретных данных маршрутные поездки по территории СССР и родственников жены, работающих на режимных объектах.

С учетом вышеизложенного на «Двойника» было заведено дело оперативной разработки с окраской «измена Родине в форме шпиона».

Основные усилия были направлены на внесение ясности в характер преступных намерений объекта, получение данных о возможном наличии у него подготовленных для передачи спецслужбам материалов, предотвращение с учетом его возросшей активности неконтролируемого выхода на контакт с иностранной разведкой. В этих целях велась подготовка агента.

Предпочтение было отдано варианту, связанному с подводом к объекту агента Седьмого управления КГБ СССР «Гаврилова» и последующей подставой через него под видом иностранца агента Третьего главного управления КГБ СССР «Оскара». Преимущество этого варианта заключалось в том, что впервые «Двой-

ник» познакомился с «Гавриловым» около 10 лет назад, в последнее время он сам несколько раз пытался разыскать агента, поэтому возобновление их связи не должно было насторожить объекта. Кроме того, «Двойник» полагал, что «Гаврилов» занимается спекуляцией валютой и имеет устойчивые связи с рядом иностранных граждан.

В ходе встречи «Гаврилов» довел до объекта заранее подготовленную информацию о себе, которая укрепила доверие «Двойника», рассеяла его подозрения о связи «Гаврилова» с органами КГБ. Если в начале беседы объект еще пытался легендировать перед «Гавриловым» свою просьбу свести его с кем-либо из иностранцев, то в конце он, уже окончательно поверив агенту, прямо сообщил, что намерен бежать за рубеж и устроиться на работу в одну из иностранных разведок. «Двойник» также поинтересовался связями агента среди лиц еврейской национальности, выезжающих на постоянное жительство в Израиль или США, так как, по его словам, через них можно было бы передать предложение о сотрудничестве в ЦРУ. Для того чтобы заинтересовать «Гаврилова», объект посулил ему за содействие крупную сумму денег в иностранной валюте. Агент обещал обдумать все предложения «Двойника».

На следующей встрече «Гаврилов» под предлогом обеспечения собственной безопасности подробно расспросил объекта о предпринятых им шагах по подготовке к бегству за границу и установлению связи с американской разведкой. На вопрос агента, располагает ли «Двойник» документальной информацией, представляющей интерес для спецслужб, объект пояснил, что он, как юрист, понимает всю рискованность хранения секретных сведений и поэтому предпочитает держать их в голове. Беседа проходила на рабочем месте «Гаврилова», а затем они направились в один из ресторанов гостиницы «Космос».

Было решено использовать это обстоятельство для проведения операции по подставе объекту агента «Оскара». Мы предположили, что в гостинице «Двойник» будет предпринимать попытки завязать необходимые знакомства с иностранцами, а также попробует использовать для этого связи «Гаврилова». Сделанный прогноз полностью подтвердился. Уже через полчаса после прихода в гостиницу объект стал настойчиво уговаривать «Гаврилова» познакомить его с «нужным человеком». Согласно отработанной линии поведения агент, окончательно убедившись в том, что никакие его доводы не могут поколебать решимости «Двойника» и в случае отказа тот самостоятельно продолжит поиск контактов с иностранцами, сообщил объекту, что в одном из баров видел знакомого западногерманского бизнесмена, имеющего связи среди сотрудников американского посольства в Москве.

Вскоре знакомство состоялось. Объект активно пошел на контакт с указанным иностранцем (агент «Оскар»), хотя в начале беседы ощущалось, что он не до конца поверил агенту и проверяет его. Последние опасения «Двойника» были развеяны, когда «Оскар», расплачиваясь в валютном баре, «нечаянно» дал

возможность объекту увидеть свой иностранный паспорт. Выйдя на улицу, агент предложил объекту сесть в «его» припаркованный у гостиницы автомобиль «Мерседес» с западногерманским номером и продолжить беседу. Объект подробно рассказал о своей жизни, выразил острую неудовлетворенность материальным и служебным положением, дал крайне негативную оценку советской действительности, с ненавистью отзывался о социалистическом строю, говорил, что только в условиях капиталистического общества он мыслит свою дальнейшую жизнь и ради этого готов на все.

В дальнейшем «Двойник» интересовался наличием у «Оскара» связей среди американских дипломатов, которые могли бы оказать ему содействие в нелегальном бегстве за границу. Объект также заявил, что отдает себе отчет в том, что на Западе потребуется доказать свою лояльность и полезность, в связи с чем он готов сразу же после перехода границы сообщить американцам информацию, представляющую для них большой интерес, и выполнить в дальнейшем любую работу, которую ему там предложат. «Двойник» пояснил, что передача каких-либо сведений на территории СССР может повлечь для него тяжелые последствия.

Линией поведения агента «Оскара» предусматривалось подкрепление легенды и данных о наличии связей среди американских дипломатов, завоевание доверия объекта, вскрытие его планов и намерений, выяснение характера информации, возможно подготовленной «Двойником» для передачи противнику. При этом исключались действия агента, которые каким-либо образом могли стимулировать противоправные действия объекта. Кроме того, «Оскару» ставилась задача попытаться разубедить «Двойника», показать ему опасность вынашиваемых планов, вероятные их последствия.

Однако все предпринятые агентом попытки склонить объекта к отказу от реализации его замыслов успеха не имели. Тогда, «уступая» настойчивым просьбам «Двойника», «Оскар» пообещал серьезно подумать над его предложением и при своем очередном приезде в Москву дать ему ответ. Прощаясь, объект передал агенту записку со своим адресом, номерами домашнего и служебного телефонов.

Поведение «Двойника», ход его беседы с «Оскаром» контролировались и фиксировались с помощью оперативно-технических средств.

Анализ материалов, полученных на данном этапе разработки, позволил сделать обоснованный вывод о том, что «Двойнику» еще не удалось вступить в преступную связь со спецслужбами противника, целенаправленных действий по сбору секретных данных он не предпринимает, документальной информации для передачи иностранной разведке не хранит. В то же время было ясно, что объект обладает сведениями, выдача которых противнику может нанести серьезный ущерб безопасности Советского государства. Очевидным стало и то, что преступные намерения «Двойника» носят устойчивый характер, психологически он готов к более

активным и решительным действиям по реализации своих замыслов, а используемые нами силы и средства, с учетом характера чекистской подготовки объекта, не гарантируют предотвращения его неконтролируемых контактов с иностранной разведкой.

В целях своевременного предупреждения и пресечения враждебных действий «Двойника» по согласованию со Следственным отделом КГБ СССР и с санкции руководства Комитета госбезопасности СССР было признано целесообразным осуществить профилактику объекта с объявлением ему официального предостережения.

Необходимость реализации материалов дела именно на этом этапе вызывалась еще и тем, что, несмотря на успешное развитие контакта с «Оскаром», «Двойник» планировал использовать для установления связи с ЦРУ США прибытие в Москву в июне 1988 года большого числа американских должностных лиц и журналистов, входящих в состав группы сопровождения президента США.

Подготовка к реализации дела потребовала создания условий для документации и легализации данных о преступной деятельности «Двойника». Планировалось направить объекта в служебную командировку в одну из Среднеазиатских республик. Однако, ожидая телефонного звонка от «Оскара» и готовясь к приезду делегации американского президента, «Двойник» под различными предлогами стал уклоняться от выезда из Москвы.

С учетом этих обстоятельств, обеспечив надежный контроль за объектом и лишив его оперативно-техническим путем связи со своим окружением, были одновременно проведены беседы с женой «Двойника» и его близкими знакомыми, которые в той или иной степени оказались осведомленными о преступных намерениях и действиях объекта.

Предварительно были оформлены в виде заявительских материалов показания агентов «Андреева» и «Гаврилова», получена санкция руководства КГБ СССР на использование в исключительном случае фонограммы разговора объекта с агентом «Оскаром». В тот же день «Двойника» под легендированным предлогом пригласили в Приемную Комитета госбезопасности, где ему было предложено откровенно рассказать об имевшихся у него неслужебных контактах с иностранцами и их характере (беседа с согласия объекта записывалась на магнитофон).

Пытаясь скрыть истинный характер своих замыслов и действий, «Двойник» первоначально настаивал на том, что его контакты с иностранцами носили случайный характер и происходили на бытовой основе. Однако, после того как ему сообщили о состоявшихся беседах с его близкими связями, объект изменил позицию, заявив, что действительно предпринимал шаги для установления контакта со спецслужбами противника, но якобы не с преступными целями, а для самоутверждения и оказания в последующем практической помощи органам КГБ. Указанное заявление «Двойника» было использовано для того, чтобы путем постановки целенаправленных вопросов склонить его к подробному изложению

существа всех имевших место встреч с иностранцами (тем самым легализовать полученные в ходе разработки материалы и зашифровать использовавшиеся оперативные силы и средства). После этого объекту напомнили ранее сделанное ему оперработником предупреждение о недопустимости подобных действий, а также привели ряд дополнительных доказательств, которые вынудили «Двойника» признать, что, пытаясь установить связь с иностранной разведкой и бежать за границу, он руководствовался личными соображениями, преступными по своему характеру.

После этого «Двойнику» в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года было объявлено официальное предостережение о недопустимости его действий, связанных с попытками установления связи с американской разведкой и выдачи известных ему сведений секретного характера, бегства за границу и оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, и разъяснено, что подобные поступки с его стороны в дальнейшем, если он не сделает надлежащих выводов, могут привести к преступлению и повлечь за собой уголовную ответственность.

«Двойник» безоговорочно подписал протокол объявленного ему официального предостережения, заверил, что полностью осознал ошибочность своих взглядов и действий и раскаивается в них.

Таким образом, своевременно полученные на стадии формирования преступного умысла данные, активное, комплексное использование агентурных и оперативно-технических средств, наружного наблюдения, эффективное их сочетание с творчески подготавленными оперативными комбинациями, вынудившими «Двойника» полностью раскрыть свои замыслы, позволили в короткий срок внести ясность в материалы дела и принять обоснованное решение о форме его реализации, не допустить совершения объектом деяний, наносящих ущерб государственной безопасности СССР.

Результаты работы по делу оперативной разработки «Двойник» еще раз подтверждают актуальность для контрразведывательных подразделений борьбы с преступной деятельностью отдельных враждебно настроенных советских граждан, пытающихся инициативно установить связь с иностранной разведкой, убедительно показывают важность своевременного выявления таких лиц именно на стадии вынашивания ими враждебного умысла и поиска путей выхода на спецслужбы противника, свидетельствуют о необходимости неукоснительного соблюдения социалистической законности, четкого взаимодействия оперативных и следственных подразделений при подготовке, проведении мероприятий и реализации полученных данных.

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ МЕНЯЮТ ТАКТИКУ

Полковник И. САМОЙЛЕНКО,
подполковник В. ЛИТВИН

Поступающая в УКГБ по Львовской области агентурная информация, в том числе из-за рубежа, свидетельствует о стремлении противника подтолкнуть враждебно настроенных лиц к созданию антисоветского подполья. При этом ставка делается и на неоднократно судимых за проведение антисоветской деятельности националистов, в частности таких, как «Неугомонный», «Градов», «Борис», и ряд их единомышленников (всего более десяти человек). К сожалению, указанные лица пользуются поддержкой у определенной части местного населения, что можно объяснить живучестью националистических пережитков, проживанием в области значительного числа бывших участников ОУН—УПА и их пособников, наличием многочисленных родственных связей в капиталистических странах.

На оперативную обстановку в области оказывает влияние увеличивающийся поток этнического туризма из США, Канады, ФРГ, близость сопредельной Польши, на территории которой проживает немало выходцев из Украины, разделяющих взгляды лидеров «Солидарности» и поддерживающих клерикальные замыслы Ватикана.

По возвращении из мест лишения свободы экстремистски настроенные лидеры украинских националистов предприняли попытки возобновить антиобщественную деятельность путем объединения лиц, судимых в прошлом за антисоветскую деятельность. В их замыслы входило блокирование с реакционно настроенными религиозниками, добивающимися возрождения униатской церкви в западных областях Украины.

В марте 1988 года по инициативе «Неугомонного» возобновила деятельность существовавшая в республике в семидесятые годы так называемая «Украинская хельсинкская группа», в которую вошло 34 человека. Позднее она преобразовалась в «Украинский хельсинкский союз» (УХС), в «декларации принципов» которого указывалось, что основная цель его деятельности — восстановление украинской государственности путем объединения сил на базе национализма и создание альтернативной КПСС партии.

В рамках УХС была создана «украинская инициативная группа защиты прав узников совести», возглавляемая «Борисом». В качестве основного лозунга группа избрала освобождение и реабилитацию антисоветчиков.

Одним из новых приемов в тактике украинских националистов явилась их смычка с экстремистами «Гласности», «Памяти», а также с грузинскими, армянскими, молдавскими и прибалтийскими националистами, в результате чего образовался «Комитет нацио-

нально-демократических движений». Выступая с клеветнических и демагогических позиций, члены «комитета» подготовили ряд обращений по вопросам национальной политики, экономическим и социальным проблемам. Спекулируя на процессах гласности и демократизации, они приступили к выпуску изданий: журнала «Украинский вестник», экспресс-буллетеней и прочих, в которых пытаются обелить бандуновское подполье, делают амбициозные выводы из истории так называемых «белых пятен» Украины и т. п. В целом под видом сохранения культурного наследия, языка, духовной жизни протаскивают буржуазно-националистические лозунги об «исключительности» украинской нации, стремясь привлечь внимание широких кругов общественности, особенно молодежи, к неординарности своих личностей как «борцов» за перестройку.

Четко просматривается их ориентация на западные средства информации и подрывные центры. «Неугомонный», «Градов» и «Борис» систематически передают тенденциозные материалы зарубежным корреспондентам, эмиссарам, выходят по международному телефонному каналу в США, ФРГ, Англию. Оперативным путем перехвачен ряд изданий УХС, отпечатанных на Западе и переправленных в СССР. Вышеуказанные лидеры были в числе приглашенных на встречу с американским президентом во время его нахождения в СССР с официальным визитом.

В связи с этим УКГБ совместно с пятью управлениями КГБ СССР и Комитета республики разработали комплекс организационных и практических мер. Была создана отдельная оперативно-следственная группа УКГБ, проведены мероприятия по централизации агентурных и оперативно-технических средств, на совместных совещаниях с заинтересованными УКГБ отрабатывались вопросы маневрирования агентурой, оперативного документирования и правовой оценки действий разрабатываемых лиц, а также своевременного обмена поступающей информацией.

На первом этапе работа велась в направлении выявления планов и намерений экстремистов, их сдерживания и разобщения. Так, удачный ввод агентов «Артура» и «Знакомой» в их среду позволил получить первые образцы «Украинского вестника». Агенты влияния «Эдуард», «Тихий», сыграв на амбициозных притязаниях на лидерство и умело воспользовавшись ситуацией, внесли определенный раскол в группировку, в результате отдельные экстремисты отошли от лидеров. Оправдала себя работа с объектами и их связями на личном контакте по сдерживанию их активности, оказанию положительного идеологического воздействия. От некоторых из них удалось получить информацию о планах, намерениях, существующих разногласиях.

Сложившаяся в Управлении определенная система мер по локализации экстремистских действий украинских националистов включает в себя целый комплекс мероприятий, методов и приемов. Это и агентурное проникновение в их среду, и четкое взаимодействие между подразделениями УКГБ, а также с другими органами, и глубокий анализ всей оперативной информации для по-

следующей выработки контрмер, и грамотное юридическое документирование противоправных действий, и, наконец, использование общественности и средств массовой информации для компрометации и развенчания украинского буржуазного национализма. В зависимости от быстро меняющейся обстановки возникает необходимость внесения коррективов, применения как испытанных чекистских средств, так и новых тактических приемов.

Так, в результате анализа данных оперативно-технических мероприятий удалось спрогнозировать приезд во Львов в составе туристической группы из США эмиссара зарубежного националистического центра. Проведенные совместно с УКГБ по Закарпатской области мероприятия в пункте въезда позволили предположить, что им окажется сотрудница американского издательства Марта Коломиец. В ходе разработки иностранки по маршруту следования использовались опытная агентура, технические средства. Это позволило установить, что, находясь во Львове, она с соблюдением мер предосторожности дважды встречалась с объектами разработок «Неугомонным» и «Борисом», во время встреч записывала на видеокассету их программу борьбы с так называемой русификацией на Украине и сведения о ее поддержке националистической эмиграцией. В благодарность интервьюированные получили от иностранки ценные вещи. Ее действия скрыто фиксировались. При отъезде во время таможенного досмотра у Коломиец были обнаружены незадекларированные золотые изделия, что позволило провести более тщательный досмотр и изъять спрятанную видеокассету.

О провалившейся националистической акции подробно сообщалось в республиканской и областной прессе, по радио и телевидению. Было показано истинное лицо псевдоброрцов за перестройку как спекулянтов от политики и клеветников, живущих на подачки западных антисоветских центров. Кроме того, публиковались коллективные письма, отклики отдельных граждан с требованиями обуздить зарвавшихся националистов. «Неугомонный» и «Борис» были профилактированы в прокуратуре.

В период подготовки к XIX Всесоюзной партийной конференции активность экстремистов возросла, подогреваемая событиями вокруг НКАО. Поступающая от агентуры информация свидетельствовала, что группировка «Неугомонного» в целях завоевания лидирующего положения в самодеятельных общественных объединениях и получения доступа к широкой аудитории предприняла попытку к созданию «демократического фронта поддержки перестройки», инициативную группу которого возглавили находящиеся под их влиянием пронационалистические элементы.

Избрав тактику протаскивания антиперестроечных лозунгов под видом обсуждения известных экологических и социальных проблем, экстремисты инспирировали организацию городского митинга. Благодаря заранее внедренным агентам в инициативную группу нам стали известны истинные намерения националистов, тексты возвзваний и лозунгов, что позволило контролировать обстановку.

Созданным в УКГБ оперативным штабом с участием руководства УВД и прокуратуры был разработан план мероприятий, предусматривающий оперативное и гласное документирование противоправных действий националистов, выявление экстремистских и хулиганствующих элементов, принятие к ним мер в соответствии с действующим законодательством.

В целях получения данных об экстремистски настроенных участниках митинга активно использовались возможности агентуры, доверенных лиц, службы НН. В подготовке анализа полученных материалов участвовало информационно-аналитическое подразделение. Своевременно проинформированные нами партийные органы создали из представителей общественности, трудовых коллективов, воинов-афганцев, комсомольских дружин группы противодействия. По месту работы экстремистов были проведены собрания общественности. Лидерам националистических группирований «Неугомонному» и «Борису» объявили официальное предостережение, а в отношении руководителя инициативной группы И. Макара прокуратурой возбуждено уголовное дело по признакам ст. 187³ УК УССР (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок). О противоправных действиях экстремистов и принимаемых в связи с этим мерах сообщалось в местной прессе, по радио и телевидению.

По инициативе партийных органов ряд журналистов, писателей, историков, используя имеющиеся в УКГБ материалы, подготовили ряд публикаций о сущности украинского буржуазного национализма, зверствах бандоуновского подполья и т. д. Все эти меры позволили до минимума снизить отрицательное воздействие организаторов митинга на присутствовавших и не допустить антиобщественных эксцессов.

В порядке самокритики хотелось бы отметить, что в работе по пресечению экстремистски настроенных группирований еще остро ощущается недостаток агентов влияния, способных не только оказывать сдерживающее воздействие на националистических лидеров, но и более успешно разлагать группировку изнутри путем отрыва менее устойчивых ее членов. Не сразу преодолевалась робость оперативного состава к открытым дискуссиям с объектами и их связями.

г. Львов

Дискуссионная трибуна

КУЙБЫШЕВСКИЕ ЧЕКИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ

Полковник И. ЛЕГАН,
кандидат юридических наук, доцент

В органах КГБ СССР продолжается обсуждение проблем совершенствования агентурной работы, поднятых в статье «Основное средство решения чекистских задач» («Сборник КГБ СССР» № 130). Сегодня редакция публикует отчет с заседания «круглого стола», состоявшегося в УКГБ СССР по Куйбышевской области. Для участия в разговоре на актуальную тему были приглашены также сотрудники Особого отдела КГБ СССР по Приволжскому военному округу.

Высказанные участниками «круглого стола» предложения в основном сводятся к следующему: необходимо четко определить место и роль агентуры в защите безопасности государства и общества и ее юридическую защищенность, изменить подход к подбору, изучению и вербовке агентов, уточнить некоторые аспекты документального оформления, приобщения агентуры к сотрудничеству с органами государственной безопасности и закрепления этого процесса, научно разработать вопросы ее воспитания и обучения, а также управления агентурным процессом.

Много говорилось о приоритетности агентурной работы, необходимости выработки механизма ее стимулирования, ликвидации уравниловки в зарплате, о технической оснащенности труда, о запрещении привлечения агентуристов к работе, пагубно сказывающейся на соблюдении конспирации. Перестройка в агентурной работе — это обеспечение максимальной объективности, полная замена волевых, командных методов управления агентурным процессом методами оперативными, аналитическими. Как отметил начальник УКГБ генерал-майор А. Н. Егоров, в агентурной деятельности формализм и показуха пустили глубокие корни. И их причина именно в дефиците подлинно оперативных и аналитических методов управления этим процессом.

Начальник второго отдела УКГБ полковник С. Г. Хумарьян указал на то, что и в настоящее время, к сожалению, получение письменного агентурного сообщения берется за основу оценки работы как самого агента, так и оперативного работника. Последний занят поиском для негласных источников всевозможных заданий, чтобы агент был при деле, а это только создает видимость агентурной работы, по существу, дискредитирует ее, и в первую очередь, в глазах агента. Он подверг критике устоявшуюся практику «арифметической стабильности» негласного аппарата, когда в агентурной работе доминирует принцип: исключил агента — завербуй нового. Это приводит к погоне за показателями, создает психологический барьер, боязнь исключения агента из-за потери им оперативных возможностей или по иным мотивам.

В связи с этим С. Г. Хумарьян предложил разработать обоснованные критерии оценки деятельности оперативного работника-агентуриста, четко определить диапазон агентурной работы в рамках компетенции органов КГБ и те конкретные цели и задачи, выполнение которых позволило бы оценить эффективность работы сотрудника-агентуриста. Все это следует сделать в двух вариантах — для оперативных работников-объектовиков и оперативных работников-линейщиков. Он поддержал предложение о целесообразности дифференциации или категорийности агентуры. По его мнению, органы КГБ должны иметь агентов-разработчиков и агентов-информаторов. Для каждой категории агентов нужно определить функциональные обязанности с учетом их работы на объектах и по линейному принципу.

Необходимо пересмотреть подход и к так называемой «выработавшейся» агентуре. Ее следует использовать на других участках, при решении других вопросов, пусть даже она и не всегда представляет информацию.

По мнению С. Г. Хумарьяна, следует отказаться от традиционных форм приобретения агентуры и работы с ней: от подписки, избрания псевдонима, написания сообщения от имени третьего лица. Предлагается узаконить метод постепенного привлечения советских граждан к агентурной деятельности по фактическому сотрудничеству в период личного контакта. Такой метод активно используется в работе с иностранцами, и он себя полностью оправдал. Выступающий предложил пересмотреть и вопрос о денежном содержании внештатных сотрудников, так как в настоящее время весьма трудно подобрать за известную сумму вознаграждения нужного человека. Он заострил внимание на необходимости подумать над содержанием и методами воспитания агентуры в нынешних условиях. В этих целях предложил рассмотреть вопрос о возможности ознакомления агентуры с открытым «Информационным бюллетенем КГБ СССР». Это было бы признаком доверия агенту, имело бы большой воспитательный эффект.

Начальник отделения второго отдела майор **Л. Н. Знаменский** внес предложение возложить организацию активных мероприятий в отношении главного противника на одно подразделение, которое бы планировало и осуществляло всю эту работу. Ныне же каждый линейный отдел (отделение) стремится осуществлять эту работу самостоятельно, в результате чего не полностью учитываются устремления противника, его осведомленность в защищаемых секретах, нередко вне поля зрения чекистов остаются лица, к которым имеются вербовочные подходы. Такое положение дел порождает разобщенность действий, что не позволяет подчинить все агентурные акции Управления единому замыслу. Действующие нормативные акты не благоприятствуют воплощению указанной идеи в жизнь.

Л. Н. Знаменский поддержал мысль о создании действующего резерва агентуры. Он должен создаваться из агентов, которые на определенном этапе исчерпали свои оперативные возможности,

но по общему развитию, социальной роли в обществе и потенциальному в будущем могут приобрести утраченные возможности. Этот резерв должен быть у каждого оперативного работника, и его можно использовать для решения текущих проблем. Принятие решения о переводе агента в действующий резерв можно доверить начальнику отдела. Выступающий предложил оптимизировать количественный объем работы оперативного сотрудника. Термин «сколько нужно» не должен быть доминирующим. Социологам, психологам и другим ученым необходимо дать научно обоснованный ответ: со сколькими агентами оперативный сотрудник в состоянии активно работать? По мнению Л. Н. Знаменского, было бы правильным рассмотреть вопрос о введении в оперативных подразделениях территориальных органов КГБ должностей помощников и старших помощников начальников отделов. Это стало бы хорошим стимулом в работе агентуристов. Он внес предложение учитывать информацию в отношении кандидата на вербовку, полученную в процессе личного контакта с ним, когда в силу различных причин оперативный работник отказывается от его услуг. Это позволило бы в будущем оперативному работнику избежать ненужной трясины на дополнительную проверку ранее изученного кандидата на вербовку.

Оперуполномоченный второго отдела УКГБ старший лейтенант **В. А. Матросов** предложил дифференцированно подходить к отбору письменных агентурных сообщений, широко использовать для этого звукозаписывающую аппаратуру с последующим составлением справки. По его мнению, необходимо возвратиться к старому, проверенному временем порядку ведения личного дела агента, так как деление его в настоящее время на три части только затрудняет работу с делом, ведет к расходованию средств и времени.

Заместитель начальника третьего отдела УКГБ подполковник **В. А. Колосников** рассказал о специфике вербовки и использования агентов по третьей линии. Он поддержал предложения, высказанные В. А. Матросовым, в части изменения некоторых положений нормативного акта и инструкции, регулирующих агентурную работу. По его мнению, следует сократить до минимума составление различных документов при подготовке материалов на вербовку, и в частности отказаться от написания рапорта об установлении личного оперативного контакта. Им было предложено упростить оформление материалов на вербовку военнослужащих срочной службы, так как эта категория, как правило, сотрудничает непродолжительное время и решает ограниченный круг задач. Он считает возможным вместо составления планов воспитания и обучения агентов, которые чаще всего бывают однотипны, вести листы учета изученных с негласным помощником тем и вопросов. Следует продумать и решить проблему правовой защищенности агентов из сотрудников органов МВД, которые на сегодня не могут участвовать в активных мероприятиях в отношении иностранцев, так как приказом министра внутренних дел им запрещены какие-либо контакты с иностранцами. За их сокрытие

сотрудник может быть уволен. Помочь агенту в таком случае возможно, только расшифровав его. Целесообразно вести учет агентуры по третьей линии в десятых подразделениях лишь по псевдонимам. Это также позволит защитить агентуру от возможной расшифровки.

Начальник четвертого отдела УКГБ полковник **Е. И. Павлов** предложил формировать резидентуры из агентов, которые используются для защиты секретов, выявления предпосылок возникновения чрезвычайных происшествий, участвуют в розыскной работе и т. п., то есть фактически выполняют сторожевые функции. Во всех остальных случаях с агентами должен работать непосредственно оперативный сотрудник. Аналогичные предложения высказал и начальник отделения этого же отдела майор **Г. М. Соболев**.

Заместитель начальника пятого отдела УКГБ подполковник **Ю. Я. Осипов** считает, что говорить о совершенствовании работы с агентурой и ничего не решать со статусом оперативного сотрудника-агентуриста будет не совсем правильно. Он предложил ввести категорийность для старших оперативных уполномоченных соответственно в окладах и воинских званиях, тем более что прецедент есть: старший оперуполномоченный — розыскник анонимов подполковник **Ю. Я. Осипов** считает, что ученые — социологи и психологи — должны разработать порядок тестирования кандидатов на вербовку, что существенно улучшило бы качество негласного аппарата, уменьшило бы необходимость сбора различных документов, подтверждающих личные качества кандидата.

Выступающий поддержал предложение С. Г. Хумарьяна о том, что в органах КГБ должны быть агенты-разработчики и агенты-информаторы и предусмотрена возможность их перевода при необходимости из одной категории в другую. Причем приоритет в этом вопросе следует отдать оперативному работнику. Необходимо продумать механизм правовой и социальной защищенности, особенно агентуры, работающей во враждебной среде, шире применять оперативно-технические средства для проверки надежности агентов-разработчиков, основы сотрудничества, а также снизить документпоток путем унификации работы при ведении личных и рабочих дел агентов. В частности, целесообразно проводить аттестование агентуры через каждые четыре года, как это делается при аттестовании оперативных работников.

Начальник отделения шестого отдела УКГБ подполковник **В. И. Никищенков** считает, что при определении количества агентуры на том или ином участке чекистской деятельности должен быть научный подход. К примеру, для решения задач по защите секретов в основу формирования агентурного аппарата следует положить модель разведывательной доступности обслуживаемого объекта.

В. И. Никищенков считает, что при написании рапорта о вербовке члена партии неэтично писать, что он привлекается к агентурной деятельности на идеино-политической основе, так как это должно быть само собой разумеющимся. Он же предлагает до-

полнить приказ КГБ СССР № 00125 1986 года, в котором определить возможность использования агента-секретоносителя в активных мероприятиях за границей.

По мнению начальника Отдела УКГБ по городу и порту Тольятти полковника **В. Ю. Большакова**, следует составлять только рапорта на установление личного оперативного контакта и отказаться от рапортов на вербовку и о вербовке, заменив их письменным заключением о работе с кандидатом на вербовку и его дальнейшей категорийности. Он предлагает шире использовать платную агентуру, но к этому вопросу подойти дифференцированно и разумно, поскольку у агента может появиться соблазн дезинформировать, оговорить, солгать. **В. Ю. Большаков** поделился опытом вербовки иностранных специалистов. По его мнению, вербовка «под своим флагом» более перспективна, нежели уход под прикрытие. При этом не обязательно говорить иностранцу, что он имеет дело с сотрудником КГБ. Достаточно будет сказать, что оперативный работник представляет компетентные органы.

Начальник Куйбышевского горотдела полковник **С. Д. Немков** предлагает сместить акценты в вербовочной работе на приобретение агентов из негативной среды. Завербовать патриота легко, но польза от него не всегда велика. Нужно смелее нормативно закреплять возможность вербовки источников из негативно и даже враждебно настроенных лиц.

Оперуполномоченный пятого отдела УКГБ капитан **Л. А. Терентьев** считает, что оперативная практика в основном идет по пути количественного роста негласного аппарата. Даже контроль руководителей подразделений за работой оперативного состава с агентурным аппаратом больше направлен на количественную его сторону, чем на качественную. Этим целям служат и созданные в органах КГБ информационные системы. Таким образом, реального механизма контроля и управления этим процессом нет. Желательно иметь в нормативном акте специальный раздел, регламентирующий порядок управления агентурным процессом, четко определяющий этот механизм, права и обязанности как управляемых, так и управляющих.

Качество агентурного аппарата всецело зависит от продуманной творческой работы по его воспитанию и обучению. **Л. А. Терентьев** предложил разработать методические материалы для использования их оперативным составом в целях воспитания и обучения агентуры.

Заместитель начальника отделения шестого отдела УКГБ майор **В. А. Алпаев** в своем выступлении затронул вопрос конспирации в работе с агентурой, завербованной из иностранцев. Нет научного обоснования и нормативного закрепления, сколько агентов-иностранцев можно принимать на одной явочной квартире; как поддерживать с ними срочную связь, если телефон оперативного работника знают и те иностранцы, которые выехали за границу или отказались от сотрудничества, и те, от которых отказался сам оперативный работник. Должны быть пересмотрены нормативы материальных затрат в работе с агентом-иностранцем.

Начальник отделения Отдела УКГБ по городу и порту Тольятти майор **Ю. А. Борисов** обратил внимание на необходимость более четко определить порядок передачи агентуры на временную связь в условиях заграницы и информирования о выполнении ею заданий.

Начальник Особого отдела КГБ СССР по Приволжскому военному округу генерал-майор **А. П. Орехов** считает, что вопросы агентурной работы должны быть юридически закреплены в Законе о государственной безопасности СССР и детализированы в Положении об органах государственной безопасности и Положении о военной контрразведке. В Положении об агентурном аппарате необходимо более четко сказать о предназначении агентуры, ввести раздел об управлении агентурным процессом, указать место и роль в нем руководящего и оперативного состава, права и обязанности агентуры, статус агентуристов, права руководителей разного ранга при принятии решения о поощрении агентуры.

По мнению заместителя начальника особого отдела полковника **В. К. Чернилевского**, в новом нормативном акте следует четче определить цели и задачи приобретения агентуры. В настоящее время агентурный аппарат много времени тратит на сбор социально-политической информации, что уводит руководящий и оперативный состав от решения главной задачи — борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

Важные вопросы совершенствования агентурной работы в войсках затронули в своих выступлениях руководители подразделений особого отдела подполковник **А. В. Рябов**, майор **А. Н. Топорков**, майор **В. А. Науменко**, подполковник **Г. С. Ваганов**.

Итоги «круглого стола» подвел начальник третьего отдела Инспекторского управления КГБ СССР полковник **В. В. Иваненко**. Он выразил уверенность, что состоявшийся разговор, высказанные предложения являются дополнительным стимулом активной и качественной работы куйбышевских чекистов на всех направлениях их деятельности.

г. Куйбышев

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР ОБ АГЕНТУРЕ

Подполковник И. КУРИЛО

Перемены в социально-политической и экономической жизни страны ставят перед органами КГБ ответственные задачи, которые можно успешно решать лишь путем настойчивого поиска и внедрения наиболее эффективных форм и методов оперативно-служебной деятельности. Динамичность оперативной обстановки тре-

бует постоянного совершенствования работы с агентурой, развития у нее чувства глубокого понимания важности сотрудничества в условиях сегодняшнего дня.

В то же время критическая оценка состояния этой работы свидетельствует о медленной ее перестройке, робком избавлении от сложившихся стереотипов и шаблонов. В чем причина такого положения? Правильно ли строит оперативный состав свои отношения с агентурным аппаратом? Что мешает ему лучше работать? По нашему мнению, на эти и другие вопросы можно ответить только после глубокого анализа и обобщения. Об отдельных путях решения этой проблемы хотелось бы рассказать на страницах «Сборника КГБ СССР».

Чтобы помочь оперативному составу повысить качество работы с агентурой, более эффективно использовать ее в решении чекистских задач, нами проведено анкетирование 65 агентов, имеющих достаточный опыт сотрудничества, проверенных, способных объективно осветить поставленные вопросы. Анкетирование и проведенный по его результатам анализ преследовали также цель на основе практического опыта негласных источников выявить определенные тенденции в агентурном процессе в условиях демократизации и гласности, посмотреть на себя и свою работу глазами агентов, увидеть имеющиеся просчеты и упущения, определить пути их устранения.

В ходе анкетирования было прежде всего выяснено, как оперативные работники формируют отношение агентов к работе органов КГБ. Отдельные агенты заявили, что в начале сотрудничества у них было не совсем верное или совсем неверное представление о деятельности органов КГБ, все окружающие их люди по своим политическим убеждениям и поступкам казались одинаковыми, но оперработники помогли понять задачи, приобрести опыт, вследствие чего сформировалось твердое желание помогать органам КГБ. «Отрадно, что мне никогда не давались задания в отношении невиновных лиц. Сотрудники часто советуются со мной, видя во мне такого же человека, как они» («Солошенко»). По словам «Павла», профессия чекиста для него «с детских лет была и остается в ореоле революционной героики». Первые впечатления от знакомства с сотрудниками КГБ совпали с его жизненными идеалами.

Отвечая на вопрос, что больше всего импонирует агентам в сотрудниках, какие качества прежде всего они ценят, большинство источников назвали идейную убежденность, эрудицию, профессиональную компетентность, уважительное отношение к мнению других, отзывчивость, целеустремленность, рассудительность. Агенты «Канев» и «Воронова», сотрудничающие соответственно с 1946 и 1964 года, подчеркивают возросшие в последнее время общеобразовательный уровень, культуру оперативного состава. «Работники КГБ — это неподкупные, бескорыстные, образованные, интеллигентные, морально чистые люди. Больше всего я ценю правдивость» («Гирник»). «Мне импонирует отзывчивость и готовность прийти на помощь в трудную минуту, люблю людей

смелых, доброжелательных, но всевидящих и тонко мыслящих, обладающих большой жизненной силой, чувством такта и юмора» («Пауль»). Такие качества, судя по приведенным ответам, способствуют дальнейшему укреплению доверия источников к сотрудникам.

Ряд агентов откровенно высказались о качествах и поступках сотрудников, вызывающих у них непонимание, неудовлетворенность, противоречия, и прежде всего о попытках бездоказательно навязывать свою точку зрения, не выслушав мнение источника («Яник», «Консул»), о требовании большего, чем агент может («Петр»), или недооценке его способностей («Питерский»), о желании быстрее реализовать информацию без тщательной ее легализации («Ирина», «Орфей»), о стремлении «добиться цели любыми средствами, порой вопреки здравому смыслу» («Механик», «Мулявин»).

В отдельных случаях агенты отмечали недостаточный профессиональный уровень оперработников, элементы высокомерия, попытки решать личные вопросы, злоупотребляя своим служебным положением. «Иногда приходилось замечать ложь со стороны сотрудников, которая была неуместна в наших отношениях. Порой складывается впечатление, что мне что-то недоговаривают» («Николай», «Козырь»).

А каким же образом сотрудники стимулируют деятельность своих помощников, насколько участливо они относятся к их бытовым и служебным проблемам? Показательно в этом отношении мнение «Павлова», которое разделяют другие агенты: «Внимание, с каким относились ко мне наставники из КГБ, мне очень дорого и памятно. На праздники, в дни рождения и в связи с другими знаменательными событиями меня всегда поздравляли, за хорошую работу вручали подарки или денежное вознаграждение. Так сложилось, что сотрудники КГБ — это единственные люди, которые наиболее действенно и участливо относятся к моим бытовым и служебным проблемам».

С удовлетворением воспринимают агенты-женщины поздравления с 8 Марта, вручение цветов, подарков. «Это способствует нашему взаимному пониманию, сближению как людей с общими интересами» («Зоряна»). «В тяжелые моменты моей жизни я всегда встречала сочувствие, моральную и материальную поддержку сотрудников КГБ. Это самые близкие мне и наиболее надежные люди, с которыми я могу поделиться всем наболевшим, черпать веру в будущее» («Вероника»).

В то же время почти каждый пятый опрошенный агент заявил, что его редко поздравляли или вовсе забывали об этом. По словам «Ника», «больше всего было обидно, что в день профессионального праздника (годовщина ВЧК—КГБ) никто и слова не сказал и этим как бы давал понять мне, что я к этому празднику никакого отношения не имею». Опросом выявлены факты отрицательного отношения части агентуры к денежному вознаграждению, что требует от сотрудников более продуманного использования этой формы стимулирования,

Подавляющее большинство агентов положительно отзывались об условиях конспирации при встречах с оперработниками, их месте и времени. В то же время, по мнению некоторых агентов, их по косвенным признакам могут подозревать в сотрудничестве с органами КГБ близкие родственники (жена, взрослые дети), поэтому возникла потребность более тщательно отрабатывать агентуре легенды посещения явочных квартир, время нахождения на встрече и другие вопросы обеспечения надежной конспирации.

Больше половины агентов отрицательно отзываются о передаче их на связь другим оперработникам, так как, по словам «Ворониной», «тяжело расставаться с предыдущим и трудно привыкать к новому сотруднику из-за боязни психологической несовместимости или встречи с человеком, который не вызовет симпатии». По заявлению других агентов, на адаптацию порой требуются месяцы, что отрицательно сказывается на работоспособности. Отсюда напрашивается вывод: знать таких источников, принимать их на связь с участием непосредственных начальников, новым сотрудникам более вдумчиво подходить к установлению психологического контакта, тщательнее выбирать меры убеждения и воспитания.

Подавляющее большинство агентов утверждают, что их личные качества и реальные возможностей при отработке заданий. Наряду с этим характерно замечание «Лисового»: «Не скрою, что сотрудники иногда дают задания непосильные, для формы, заведомо невыполнимые. Чувствуется, что оперработник не верит в это задание, тем самым ставит меня в неудобное положение. Иногда выполнение задания форсируется». Показателен пример, приведенный «Питерским»: «С сутью задания меня ознакомили поздно, предложили свой вариант решения, который в корне не был приемлем в силу моего характера. Суть задания я не смог пропустить через свое сознание и ожидаемого результата не добился».

Около трети агентов считают, что их возможности в оказании помощи органам КГБ используются не в полную силу. Несмотря на определенный субъективизм агентуры в оценке своих возможностей, нужно признать, что «слишком абстрактные задания, отсутствие конкретности» («Богун»), «общие направления вступления в контакт с интересующими лицами» («Львовский») и другие непродуманные действия снижают работоспособность. «Думается, что чрезмерная осторожность сотрудников порой сковывает инициативу и не в полной мере способствует раскрытию индивидуальных данных негласного помощника» («Павлов»). Агент «Юстас» (3 отдел), являясь офицером-агентурристом в системе МВД, считает, что для улучшения его работы «нужно выработать более широкую программу сотрудничества и ставить задачи на длительный период».

Эффективность использования каждого агента в значительной степени зависит от методики его обучения. Нужно согласиться с «Вороновой», что «негласный помощник по своей природе должен

обладать определенными качествами, а долг оперработника — развивать их». 90 процентов опрошенных агентов в целом удовлетворены методами обучения. Агентурой положительно воспринимаются предметные разборы выполнения заданий, решение оперативных задач, «проигрывание» экстремальных ситуаций, собеседование после проработки специально подобранный публицистической и художественной литературы. В то же время семь агентов высказались о методике их обучения как несовершенной. Например, «Сибиряк» считает необходимым «в ходе обучения... конкретизировать темы, исходить из реальной обстановки сегодняшнего дня. Следует лучше информировать и больше доверять негласному помощнику».

В числе трудностей, препятствующих выполнению заданий органов КГБ, третья часть агентуры назвала дефицит времени, занятость по работе и в быту, недостаточную подготовленность, что осложняет порой принятие источниками самостоятельных решений, затруднения при установлении контактов с интересующими нас лицами из-за слабого знания психологии, а также боязнь расшифровки перед окружением. «Работать становится труднее, поскольку многие лица говорят порой в резкой форме о нашей действительности и не всегда просто разобраться, то ли это их враждебные убеждения, то ли они пользуются данными из средств массовой информации» («Соломенко»). Агент «Пауль», принимающий участие в разработке серьезных объектов дел оперативного учета, пишет: «Трудностей много, ибо, идя на встречу с такими людьми, не всегда знаешь, какой «номер» они выкинут. Надо быть хорошим игроком, чтобы понять ход игры и соответственно правильно реагировать. Для этого нужен не только интеллект, но и специальные знания».

Чего же ждет агент от сотрудника, готовясь к встрече? Как правило, тщательной, критической и объективной оценки представляемой информации, ее анализа, профессионально грамотных советов, приятной человеческой беседы, полного взаимопонимания. На этот вопрос агент «Юстас» ответил так: «Жду, что сотрудник расскажет о не опубликованных в печати событиях, ознакомит с оперативной обстановкой и негативными тенденциями, на которые необходимо обратить внимание, жду информации, как реализованы мои предыдущие сообщения, и оценки моих действий, моего поведения при выполнении заданий».

По поводу того, что полезного для себя они извлекли из сотрудничества с органами КГБ, фактически все агенты заявили, что повысился их идеино-политический и интеллектуальный уровень, они научились лучше разбираться в людях, а это помогает в основной работе. Агенты отмечают развитие у них наблюдательности, памяти, умения анализировать. Агент «Светозаров», ранее судимый за националистическую деятельность, суть данного вопроса изложил так: «Лично я почувствовал полную уверенность в правоте политики нашего государства, а самое главное — что правда всегда восторжествует».

В ответах агентов на вопрос, что необходимо сделать для повышения их активности в сотрудничестве с органами КГБ, прослеживаются два аспекта: источникам — необходимо повышать требовательность к себе, оперработникам — ставить перед ними более конкретные задания, быть более взыскательными, чаще встречаться с агентурой. «Регулярные и деловые встречи повышают активность сотрудничества, перерывы в них расхолаживают» («Николай»).

Излагая свое понимание задач по оказанию помощи органам КГБ в условиях происходящей в стране перестройки, демократизации и гласности, агенты отметили необходимость отличать противников Советской власти от заблуждающихся лиц, повышать бдительность, более тщательно анализировать события, факты, четче улавливать негативные процессы, мешающие перестройке, ответственнее относиться к представляемой информации. «Несомненно, что расширение гласности используется экстремистски настроенным и другими лицами во враждебных целях. Образно выражаясь, во время шторма всегда есть пена. Выявлять эту «пену», не допустить нанесения ею вреда Советскому государству и человеку — моя задача» («Пауль»).

Агенты высказали также другие мнения и предложения, имеющие практическое значение. Несмотря на стремление некоторых из них показать себя и оперработников с лучшей стороны, в целом это был откровенный разговор, позволяющий руководящему и оперативному составу в ходе анкетирования и разбора его результатов во время чекистской учебы выявить положительные и теневые стороны работы с источниками, по-новому взглянуть на отдельные аспекты их использования, осмыслить свои просчеты, извлечь нужные уроки. Мы также убедились в необходимости провести анкетирование среди вновь завербованных агентов и агентов с низкой отдачей.

На состоявшемся недавно заседании совета при начальнике УКГБ глубоко проанализировано состояние перестройки работы с агентурой в свете требований КГБ СССР и с учетом оперативной обстановки, выработаны и осуществляются конкретные организационные и практические меры в целях дальнейшего улучшения расстановки, формирования, воспитания, обучения и использования агентурного аппарата, повышения конспирации, поднятия роли и авторитета агентурристов, что положительно сказывается на результатах оперативно-служебной деятельности УКГБ.

г. Ивано-Франковск

Письмо в редакцию

СПАСИБО ЗА КОНКРЕТНУЮ ПОМОЩЬ!

Постановление Совета Министров СССР о строительстве в городе Пензе в 1986—1990 годах специализированного завода по производству накопителей на магнитных дисках большой емкости является важным этапом в реализации программных положений XXVII съезда КПСС по осуществлению в нашей стране широкомасштабных мер в совершенствовании торгово-экономических и научно-технических связей с капиталистическими странами. Продукция Пензенского завода вычислительной техники (ПЗВТ) Минрадиопрома будет иметь особое значение для развития народного хозяйства Советского Союза.

Для оснащения производства ПЗВТ закуплено импортное оборудование, монтаж которого с середины 1987 года проводят специалисты из ФРГ и Японии.

С самого начала перед руководством, партийным комитетом завода стали серьезные задачи по обеспечению режима секретности проводимых работ по проекту «Дон», заключению экономически выгодных контрактов, своевременному получению комплектного оборудования и техдокументации от инофирм и проведению в жесткие сроки пусконаладочных работ, недопущению нанесения стране политического и экономического ущерба.

Контроль за ходом строительства объекта и решением жизненно важных вопросов постоянно осуществляют областной и городской комитеты партии. Вместе с тем совершенно очевидно, что многие проблемы нам не удалось бы положительно решить без четкого взаимодействия и содружества руководства ПЗВТ с коллективом чекистов Пензенского управления КГБ СССР. Об этом я как директор завода и хочу высказаться на страницах Сборника.

Серьезные организационные трудности встретились нам при подборе технических специалистов, направляемых за границу для обучения и приемки оборудования, а также ведения переговоров с представителями инофирм. На первых порах не обошлось и без определенных издержек, допущенных в работе по контрактам и с иноспециалистами.

Чекисты содействовали нам в поиске компетентных и перспективных специалистов, которые имеют опыт работы в области вычислительной техники и способны аналитически оценивать уровень ее развития в СССР в сравнении с мировыми достижениями, а также грамотных инженеров со знанием иностранных языков и переводчиков. В результате такой конкретной помощи срывались попытки иностранных фирм навязать нам невыгодные условия по отдельным контрактам.

С учетом развития дальнейших событий и приезда в Пензу значительного количества иностранцев на длительные сроки было принято решение о создании на заводе отдела внешних сношений. Должность руководителя подразделения по нашему представлению была замещена сотрудником УКГБ.

Важно отметить, что от чекистов мы получаем всегда полную, четкую и своевременную информацию, которая несет в себе деловые предложения по устранению вскрываемых недостатков. Приведу некоторые примеры.

В 1987 году группа специалистов завода направлялась для обучения на западногерманские фирмы «Маузер» и «Н+Н». По данному УКГБ, служебная командировка оказалась малоэффективной, так как обучение велось некомпетентными людьми на устаревшем в техническом отношении оборудовании, зачастую подменялось всевозможными экскурсиями, преимущественно по магазинам и питейным заведениям. Такая атмосфера способствовала тому, что отдельные наши специалисты стали злоупотреблять спиртным, нарушили правила поведения в стране пребывания, попадали в конфликтные ситуации. Информация полностью подтвердилась. Администрация и партком приняли надлежащие меры к виновным, впредь подобного не повторялось. На очередных переговорах нами в адрес руководителей фирм высказана неудовлетворенность приемом специалистов завода. Иностранцы принесли официальные извинения.

Строительство такого важного объекта, каким является ПЗВТ, ведут организации пензенского треста «Промстрой». Несмотря на постоянный контроль со стороны партийных органов за ходом и качеством строительных работ, отмечались серьезные нарушения, которые могли привести к чрезвычайным происшествиям.

Я убежден и считаю, что только благодаря бдительности и настойчивости чекистов предотвращено нанесение значительного экономического и политического ущерба нашей стране.

По информации Управления, строительство цехов завода велось без предварительного контроля качества уплотненного грунта при устройстве фундаментов (с большими отклонениями от проекта), что подтвердили компетентные специалисты. Вмешательство первых секретарей обкома и горкома партии предупредило нежелательные последствия.

Грубые нарушения строители допустили при ведении кровельных работ, что должно было привести к резкому изменению температурного режима в эксплуатируемых сооружениях и в конечном итоге к порче дорогостоящего импортного оборудования, снижению качества выпускаемой продукции. УКГБ своевременно сигнализировало в партийные органы об этих недостатках и добилось их устранения.

Управление неоднократно ориентировало меня как директора ПЗВТ о том, что фирма «Гильдемайстер» (ФРГ) используется спецслужбами и возможны попытки направления в Пензу специалистов с враждебными намерениями. И позднее это подтвердилось. Так, в марте 1988 года, по информации УКГБ, администрацией завода до руководства фирмы были доведены сведения о нарушении специалистом Скраба правил проживания иностранцев в Советском Союзе и о нежелательности его дальнейшего пребывания на заводе. Он дезорганизовывал работу иноспециалистов, затягивал монтаж оборудования. Как я полагаю, у чекистов, кроме

того, были и свои причины для выдворения Скраба из нашей страны. Фирма отозвала и уволила его, что значительно оздоровило обстановку среди иностранцев.

В одном из цехов завода полы для специального оборудования изготавливали иностранцы, заведомо зная, что они не соответствуют проектным параметрам. Назначенная комиссия из ведущих специалистов подтвердила информацию и пришла к заключению, что они не выдержат предусмотренной расчетной нагрузки. Оказанная УКГБ помощь позволила предъявить администрации фирмы серьезные претензии, и дефекты были устраниены за ее счет.

При приемке оборудования и техдокументации по информации чекистов мы обнаружили попытку представителей фирмы «Гильдемайстер» вручить заводу некомплектную «Книгу обязанностей» — основной документ, в котором описывается организация работы системы в данном производстве, с разработанным ее математическим обеспечением. При эксплуатации отсутствие отдельных разделов «Книги» осложнило бы процесс наладки оборудования и поиск дефектных систем и узлов.

В течение 1988 года Управление КГБ передало нам восемь важных, не предусмотренных контрактом технических документов на импортное оборудование. Полученные материалы необходимы для ремонта и более глубокого изучения поставленного иноfirmами оборудования и эффективного его использования для цеха ГАПС (гибкой автоматизированной производственной системы). В случае модернизации отдельных станков документация позволит внести соответствующие корректизы в машинные данные и параметры, которые были установлены на фирмах-изготовителях. Предполагаемый экономический эффект от использования полученной документации — более 0,7 миллиона рублей.

Кроме того, при содействии пензенских чекистов была получена информация, позволившая заводу приобрести 15 компьютеров системы «Оливетти» без дополнительных валютных затрат.

От имени руководства и парткома ПЗВТ хотелось бы выразить большую признательность коллективу чекистов Управления КГБ СССР по Пензенской области за постоянно оказываемую ими значительную помощь в защите экономики.

Ю. И. ЛАВРОВ,
директор Пензенского завода
вычислительной техники

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

ПОВЫШАТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБОТЫ ПО ДЕЛАМ ОБ УТРАТЕ ДОКУМЕНТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ

Полковник юстиции А. ГУРСКИЙ

Для решения стоящей перед органами госбезопасности задачи предотвращения утечки государственных секретов к противнику важное значение имеет эффективность расследования фактов утраты документов, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну.

Пути совершенствования этой работы конкретизированы в указании КГБ СССР № 76c 1983 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию оперативно-розыскной работы по делам об утрате документов, содержащих государственную тайну» и указании КГБ СССР № 47c 1984 года с обзором практики расследования таких дел.

Как же выполняются органами КГБ на местах содержащиеся в них требования и рекомендации? Чтобы ответить на этот вопрос Следственный отдел КГБ СССР в прошлом году проанализировал уголовные дела и материалы оперативного розыска за 1985—1987 годы.

Анализ показал, что существенного улучшения дел на этом участке работы не произошло, указания в ряде случаев выполняются плохо. Количество утраченных документов в последние годы не уменьшается. Отдельные из них содержат сведения особой важности. Беспокоит запоздалое обнаружение утраты документов. В каждом четвертом случае от утраты до ее обнаружения проходит от 5 до 20 лет. Все еще низка результативность расследования. В целом по стране раскрываемость по делам этой категории на сегодня — менее одной трети.

Как и ранее, при изучении уголовных дел, расследование по которым закончилось безрезультатно, обращают на себя внимание волокита с их возбуждением и проведением оперативно-розыскных мероприятий, недостаточное владение методикой расследования, бессистемность предпринимаемых усилий, несогласованная работа следственных и оперативных подразделений.

Оперативное обеспечение расследования уголовных дел об утрате секретных материалов остается наиболее слабым и уязвимым звеном в этом процессе. Раскрытие преступления и розыск утраченных материалов являются основной задачей как следователя, так и оперативного работника органов КГБ. Но эту задачу они решают разными путями, с использованием различных средств и приемов, поэтому согласованность и взаимодействие в их работе имеют большое значение.

В 1985—1987 годах дела оперативного розыска в отличие от прошлых лет заводились практически по всем случаям утрат, однако больше половины из них — с нарушением сроков, установленных указанием № 76с 1983 года. Лишь после возбуждения уголовного дела приступили в КГБ Латвийской ССР к оперативному розыску утраченных в ОБХСС УВД Рижского горисполкома совершенно секретных изданий. Дело оперативного розыска по факту утраты в шестом отделе пятой службы УКГБ по г. Москве и Московской области приказа Председателя КГБ СССР № 00111 1983 года было заведено после вынесения постановления о пристановлении уголовного дела по требованию следователя.

Обращают на себя внимание невысокое качество проведения оперативно-розыскных мероприятий, их низкий организационный и профессиональный уровень, дублирование следствия, формальное отношение к запланированным мероприятиям.

Копии протоколов допроса свидетелей и основных процессуальных документов составляют основу дел оперативного розыска по факту утраты в ОБХСС УВД Рижского горисполкома совершенно секретных изданий (КГБ Латвийской ССР) и по факту утраты в ЛТП-2 приказа МВД СССР № 0012 1983 года (КГБ Туркменской ССР).

В процессе оперативного розыска утраченных в Соль-Илецком РОВД двух совершенно секретных приказов МВД СССР стало известно о связях некоторых работников райотдела милиции с бывшим жителем Соль-Илецка Штихлингом, выехавшим на постоянное жительство в ФРГ. Несмотря на предстоящий приезд Штихлинга в Соль-Илецк по частной визе, изучение его связей велось непродуманно, поверхностно, в отрыве от целей исследования версии о хищении документов с враждебным умыслом. В итоге Штихлинг уехал, а невыясненные вопросы остались. Главный из них: каков же характер отношений Штихлинга с сотрудниками РОВД (УКГБ по Оренбургской области).

Несогласованная работа оперативных сотрудников и следователей УКГБ по Владимирской области, занимавшихся розыском утраченного в ИТК-5 совершенно секретного пособия, несвоевременный обмен информацией привели к неоправданному расширению круга допрашиваемых свидетелей, которые не внесли ясности в обстоятельства дела. В то же время заслуживающие внимания данные не были проверены достаточно глубоко. Так, по сообщению агента «Крайнова», главный бухгалтер УВД Евстигнеева в частной беседе рассказала источнику, что знает человека, похитившего пособие. Евстигнееву вызвали на допрос, где она ничего

не подтвердила. Сигнал же был серьезный и требовал тщательной предварительной проверки возможно с применением оперативно-технических средств. Последующая работа вокруг Евстигнеевой положительных результатов не дала.

Необходимо отметить, что по этому и большинству других дел в процессе оперативного розыска слабо применялись средства специальной техники, которые особенно важны для контроля за поведением после допроса лиц, подозреваемых в причастности к утрате документов, когда возникают сомнения в правдивости их показаний.

Анализ материалов оперативного розыска свидетельствует о том, что утраченные документы остаются не разысканными там, где оперативные работники не занимаются глубокой и кропотливой работой с агентами, подменяя ее получением всевозможных объяснений и опросами граждан. Подобные факты свидетельствуют лишь о беспомощности отдельных сотрудников, неумении использовать богатые агентурные и оперативно-технические возможности органов КГБ для розыска документов и установления виновных лиц.

К агентурно-оперативным мероприятиям необходимо относиться со всей серьезностью, тщательно их готовить, не допуская опрометчивых действий, которые могли бы привести к нарушениям социалистической законности, как это случилось в войсковой части 31458, где заподозренный в хищении совершенно секретной книги рядовой Емельянов был избит на гауптвахте агентом особого отдела и военнослужащими отделения охраны особого отдела, заставлявшими его признаться в совершении преступления. Виновные в нарушении социалистической законности оперативные работники осуждены (Управление особых отделов КГБ СССР по Дальневосточному военному округу).

Несвоевременность, а в отдельных случаях и прямое уклонение некоторых органов КГБ от возбуждения уголовных дел по фактам утраты секретных материалов до сих пор является одним из самых серьезных недостатков в практике расследования дел этой категории. Лишь 26 процентов уголовных дел возбуждены в предусмотренный законом 10-дневный срок (из них 10 процентов — в трехдневный) с момента, когда органу КГБ стало известно об утрате документа. По остальным делам эти сроки составляли: до 1 месяца — 9 процентов, от 1 до 3 месяцев — 40 процентов, от 3 месяцев до 1 года — 20 процентов, свыше года — 5 процентов. Причем только по двум делам причиной задержки с их возбуждением явилось отсутствие у органа КГБ информации о факте утраты, по остальным это связано с ожиданием официального поступления материалов служебного расследования. Подобная практика не способствует раскрытию преступлений, осложняет их расследование, затрудняет сбор доказательств, ведет к другим нежелательным последствиям. Это видно из следующих примеров.

Сотрудник КГБ Казахской ССР майор Тайтуголев в сентябре 1984 года рапортом доложил об утрате им приказа КГБ СССР № 00140 1983 года, объявляющего Положение об агентурном ап-

парате и доверенных лицах органов государственной безопасности. Однако вместо немедленного возбуждения уголовного дела до 21 января 1985 года проводился неспешный физический розыск документа, с 21 января по 28 февраля 1985 года — служебное расследование и лишь 5 марта 1985 года возбудили уголовное дело, расследование которого через 11 месяцев закончилось безрезультатно.

При проверке режима секретности в Шантубинском поселковом отделении милиции сотрудниками Степногорского горотдела УКГБ Казахской ССР по Целиноградской области была выявлена утрата приказа МВД СССР № 008 1980 года с Наставлением по основам организации и тактике деятельности милиции по выявлению и оперативной разработке лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Поскольку ни горотдел, ни Управление КГБ не торопились с возбуждением уголовного дела, спустя 10 дней после обнаружения утраты это сделало УВД Целиноградского облисполкома. Потребовалось вмешательство прокуратуры, чтобы через два месяца дело приняло к производству УКГБ по Целиноградской области. Как и в предыдущем случае, судьбу важного документа установить не удалось.

Запоздалое возбуждение уголовных дел, как правило, отрицательно сказывается на сроках их расследования, которые в 1985—1987 годах оставались длительными. Причинами этого являются, как и прежде, несвоевременное проведение первоначальных следственных действий, просчеты в выдвижении и проверке версий, планировании расследования, нечеткое представление о предмете доказывания, слабое владение тактикой производства отдельных следственных действий. Другими словами, дела новые, а недостатки старые и изживаются они с трудом.

Нелегко рассчитывать на положительные результаты, когда первоначальные и другие неотложные следственные действия проводятся несвоевременно. Следователи КГБ Литовской ССР лишь через две недели после возбуждения уголовного дела приступили к допросам свидетелей об обстоятельствах утраты в Кельмеском РОВД приказа МВД СССР № 006 1983 года, а первый осмотр провели через три недели после начала следствия. По этому же делу четыре месяца решался вопрос о производстве обысков у лиц, в отношении которых возникли подозрения об их причастности к утрате приказа.

По уголовному делу об утрате в ЛТП-2 приказа МВД СССР № 0012 1983 года обыск на квартире подозреваемого Сабирова провели через полтора месяца после возбуждения дела, а осмотры номенклатурных дел и переписки по секретному делопроизводству — через год. (КГБ Туркменской ССР). Не удивительно, что в упомянутых случаях обыски закончились безрезультатно и носили скорее формальный характер.

Много недостатков допускается при выдвижении и проверке версий. Иногда их выдвигается неоправданно много и не всегда это вызывается обстоятельствами дела. Поэтому представляется

разумным выдвигать те версии, которые вытекают из следственных действий и агентурно-оперативных мероприятий, проведенных в начальной стадии расследования. При этом недопустимо смешивать разные по целям и направлениям розыска версии, как это сделали в УКГБ по Оренбургской области при расследовании утраты двух приказов МВД СССР в Соль-Илецком РОВД, соединив в одной версии враждебный умысел (в целях передачи противнику) и низменные побуждения (месть, компрометация, сведение личных счетов).

Руководящие приказы и указания Комитета требуют рассматривать утрату каждого документа, содержащего государственную тайну, как серьезное происшествие. Расследование такого происшествия должно преследовать цель не только доказать виновность или невиновность лица, утратившего секретный документ, но и установить местонахождение утраченного документа и, главное, выяснить, не попал ли он к противнику. Поэтому основной по делам об утрате документов, содержащих государственную тайну, является версия об их хищении с враждебной целью, как это имело место в УКГБ по г. Москве и Московской области, где шпион Воронцов похитил и передал американцам совершенно секретный Информационный бюллетень ВГУ КГБ СССР, значившийся уничтоженным.

В отличие от прошлых лет в 1985—1987 годах лишь по двум делам не выдвигалась и не исследовалась версия о хищении с враждебной целью, хотя и в этих случаях основания для проверки версии имелись. В других случаях версия о хищении с враждебной целью хотя и выдвигалась, но к ее проверке следователи и оперативные работники подошли формально, ограничившись приобщением к материалам уголовных дел справок оперативного подразделения КГБ СССР об отсутствии в его распоряжении данных об утечке к противнику сведений, содержащихся в утраченном документе.

Анализ показывает, что большинство утрат документов со сведениями, составляющими государственную тайну, произошло в коллективах с нездоровым морально-психологическим климатом, пораженных склоками, карьеристскими устремлениями отдельных лиц, взаимным подсаждыванием. Поэтому при проработке версии о хищении секретных материалов в целях сведения личных счетов с лицами, ответственными за их сохранность, и компрометации этих лиц из ревности, мести, зависти и других низменных побуждений очень важно и всесторонне изучать обстановку в коллективах, характер взаимоотношений между сотрудниками, особенно между теми из них, кто имел непосредственное отношение к утраченным материалам и мог похитить секретный документ.

Определенный интерес представляют лица, уволенные из органов МВД по компрометирующими обстоятельствам, особенно если это увольнение совпадает со временем утраты документа. Вместе с тем, не будучи связанными отношениями подчиненности, многие

бывшие сотрудники милиции, как показывает опыт расследования, ведут себя более раскованно, дают более подробные показания об обстановке в коллективах, где произошла утрата документов, могут пролить свет на важные для следствия детали и обстоятельства дела. Разумеется, объективность этих показаний требует соответствующей проверки и оценки в совокупности с другими доказательствами по делу.

Как отмечалось, недостатки в расследовании утраты секретных материалов объясняются отчасти слабым знанием следователями методики расследования этой категории дел, нечетким представлением об обстоятельствах, подлежащих установлению по таким делам, о характере доказательств, которые могут быть собраны при их расследовании. Об этом свидетельствуют многочисленные допросы случайных лиц, фиксация и накопление второстепенных, а порой и вовсе ненужных для дела данных.

При расследовании утраты в Шантубинском поселковом отделении милиции приказа МВД СССР № 008 1980 года следователи УКГБ по Целиноградской области увлеклись проверкой таких фактов, когда сотрудники милиции не регистрируют преступления.

Протоколами допроса случайных лиц изобилует многотомное уголовное дело по факту утраты в ИТК-5 учебного пособия. Допрошена, в частности, заведующая детским садом УВД Комиссарова, у которой следователь пытался выяснить обстоятельства утраты издания в колонии и данные, характеризующие ее сотрудников. Как и следовало ожидать, ответить на эти вопросы свидетель не могла. В то же время в деле имеются показания бывшего мужа инспектора канцелярии колонии Акимовой — свидетеля Акимова, из которых видно, что жена приносила домой учебное пособие, которое, по ее словам, не числилось в списке литературы, находящейся в ИТК. Однако в достаточной степени этот эпизод не исследовался. Следователь ограничился лишь допросом Акимовой, которая заявила, что никаких книг домой она не приносила. Ей даже не были предъявлены показания бывшего мужа, не говоря уже о проведении между ними очной ставки (УКГБ по Владимирской области).

Указание № 47с 1984 года предостерегает следователей от спешных выводов о виновности лица в утрате содержащего государственную тайну документа без установления с достоверностью фактических обстоятельств его исчезновения и причинной связи между допущенными лицом нарушениями правил секретного делопроизводства и утратой документа. Отсутствие этой связи устраняет уголовную ответственность лица, виновного в нарушении таких правил.

К сожалению, не все следователи в равной степени ответственно относятся к этому предостережению. Определенное влияние, на наш взгляд, оказывает то обстоятельство, что неустановление судьбы документа в процессе следствия, слабость собранных доказательств создают предпосылки для принятия сле-

дователем зачастую произвольного и не всегда основанного на законе решения по делу.

Следователи УКГБ по Целиноградской области предъявили обвинение по ч. I ст. 62 УК Казахской ССР начальнику Шантубинского поселкового отделения милиции Жанмурзину. В качестве основания указали, что Жанмурзин без регистрации хранил приказ МВД СССР № 008 1980 года у себя, безуменно передавал другим сотрудникам и впоследствии утратил. Фактические же обстоятельства утраты по делу не установлены, судьба документа неизвестна. Не опровергнуты показания как Жанмурзина о передаче им без расписки приказа участковому инспектору Клименко, так и Клименко о том, что документ он не получал. Дело в отношении Жанмурзина прекращено вследствие изменения обстановки.

В постановлении о предъявлении обвинения старшему инспектору первого отдела Минского завода вычислительной техники Толокиной прямо указано, что она «при **неустановленных** обстоятельствах утратила совершенно секретный документ... т. е. совершила преступление, предусмотренное ч. I ст. 73 УК БССР». Причинная связь между нарушениями, допущенными Толокиной, и утратой документа в процессе следствия не установлена. Более того, допрошенный в качестве свидетеля начальник первого отдела Попов заявил, что Толокина неоднократно обращала его внимание на сложившуюся неправильную практику взаимозаменяемости сотрудников на участке секретного делопроизводства, что вело к безответственному отношению к хранению и выдаче секретных материалов. Вместо того чтобы прислушаться к словам подчиненной, Попов, по существу, узаконил эту безответственность, подготовив и подписав у директора завода приказ, которым сотрудникам первого отдела вменялось в обязанность заменять друг друга при временном отсутствии без оформления акта о передаче секретных материалов, что прямо противоречило действовавшей в то время инструкции № 00166 1972 года. По представлению следователя этот приказ впоследствии отменили. Уголовное дело в отношении Толокиной прекращено по амнистии (УКГБ по Минской области).

Приведенные примеры, особенно пример с Толокиной, свидетельствуют о том, насколько взвешенно и продуманно следует подходить к предъявлению обвинения по делам этой категории, учитывая все установленные фактические обстоятельства, при которых произошла утрата секретных материалов, чтобы избежать формального вменения. Неудивительно, что дело Жанмурзина и некоторые другие, по которым предъявлены обвинения в утрате секретных документов, не были направлены для рассмотрения в суд, ибо несостоятельность доказательств, лежащих в основе обвинения, там бы проявилась особенно отчетливо со всеми вытекающими последствиями.

Выше говорилось о неглубокой в ряде случаев проработке версии о хищении документов с враждебной целью. Однако практика прекращения таких дел, осужденная в указаниях № 76с 1983 года и № 47с 1984 года, продолжает иметь место, хотя и в меньших масштабах,

Прекращая дела по фактам утраты секретных материалов, следователи не во всех случаях поручают их дальнейший розыск оперативным подразделениям. Анализ показывает, что 70 процентов дел, следствие по которым закончилось безрезультатно, имеют в резолютивной части постановлений указание о дальнейшем розыске утраченных документов оперативными подразделениями, 30 процентов дел прекращается без таких поручений, предоставляя тем самым оперативным работникам решать судьбу розыска. В последнем случае оперативный розыск часто неоправданно прекращается, что справедливо отмечается в указании № 47с 1984 года.

В 1985—1987 годах практически по всем делам руководителям ведомств, предприятий, организаций, командующим военными округами внесены представления, в которых, как правило, с достаточной глубиной анализируются установленные в процессе следствия и оперативного розыска причины и условия, приведшие к утрате секретных материалов, и ставится вопрос об их устранении.

Вместе с тем было бы полезным отметить, что представления направляются обычно в завершающей стадии следствия, когда недостатки зачастую уже устранены.

Подводя некоторые итоги изложенному, следует подчеркнуть, что недостатки и упущения являются следствием несвоевременного возбуждения уголовных дел, некачественного, безынициативного, вялого и потому малоэффективного следствия; слабого и неумелого оперативного обеспечения следствия; невысокого уровня взаимодействия следователей и оперативных работников.

Представляется, что для решительного изменения сложившегося положения необходимо принять дополнительные меры по неукоснительному выполнению требований, содержащихся в упомянутых ранее указаниях КГБ СССР.

ПОДГОТОВКА И ВОСПИТАНИЕ КАДРОВ

РАБОТАТЬ ТВОРЧЕСКИ, АКТИВНО

Обзор редакционной почты

Размышления полковника В. И. Алферова («Сборник КГБ СССР» № 127) вызвали многочисленные отклики, в которых подчеркивается актуальность и своевременность поднимаемых проблем перестройки работы с чекистскими кадрами.

Руководители кадровых аппаратов КГБ Украинской, Белорусской, Туркменской, Грузинской ССР, УКГБ СССР по Горьковской и Свердловской областям выразили единодушное мнение, что многие формы и методы работы с кадрами в современных условиях развивающейся гласности и демократизации общества требуют переосмысления, а поиск новых, нестандартных подходов к решению кадровых вопросов в Управлении КГБ СССР по г. Москве и Московской области заслуживает должного внимания и изучения.

Статья ценна тем, что излагает интересный опыт практической деятельности руководящего состава, партийных организаций, кадрового аппарата УКГБ по перестройке своей работы. Весь дух ее нацелен на творческий поиск путей реализации требований партии о демократизации работы с кадрами применительно к чекистским коллективам, и автор щедро делится как своими находками по основным направлениям работы с кадрами, так и сомнениями о целесообразности дальнейшего существования некоторых общепринятых норм.

Все приславшие отклики на статью едины во мнении, что многое из практики В. И. Алферова не вызывает сомнений и будет принято на вооружение, а что-то приемлемо только для УКГБ по г. Москве и Московской области с его своеобразной структурой и в других органах может быть использовано частично. Отмечается также, что ряд высказанных в статье утверждений носит polemический характер, требует дополнительной глубокой проработки, всестороннего обсуждения, апробации и правового регулирования.

Статья «Изживать шаблоны» явилась предметом широкого обсуждения в чекистских коллективах КГБ Туркменской, Белорусской ССР, ряда областных управлений КГБ.

Сотрудники Комитета госбезопасности Туркменской ССР, выступившие на обсуждении, открыто высказали свое мнение по за-

тронутым в статье вопросам, проанализировали состояние кадровой работы, предложили конкретные меры для расширения гласности, критики и самокритики, оптимального сочетания принципов единоличия и демократии. Многие предложения касались вопросов назначения на должность, перемещения и продвижения по службе.

Оперативные работники поддержали практику гласного обсуждения в подразделениях кандидатур в резерв выдвижения, причем требовали добиваться, чтобы при повышениях в должности не ограничиваться формальными показателями (т. е. наличием в производстве сигналов и дел оперучета), а учитывать такие качества, как умение работать с людьми, создавать здоровый морально-психологический климат в коллективе, требовательность к себе и подчиненным, демократичность и доступность, способность оперативно грамотно и четко излагать устно и письменно свои мысли. Чекисты также рекомендовали отделу кадров Комитета смелее практиковать выборы руководителей как минимум из двух кандидатов.

Особое внимание при обсуждении было уделено вопросам оценки на партийных собраниях деятельности коммунистов-руководителей. В этой связи высказывались пожелания при подготовке таких собраний чаще прибегать к анонимному анкетированию, проводить индивидуальные беседы с оперсоставом и встречи «без начальства». Многие поддержали В. И. Алферова в том, чтобы возвращать руководителей, не обеспечивающих выполнение в полном объеме своих обязанностей, на ранее занимаемые ими должности, а также не допускать службы сотрудников и руководителей в одной должности и в одном подразделении более пяти лет. Выступавшие предлагали кадровому аппарату КГБ республики выработать четкую программу продвижения офицеров по службе, начиная при этом с должности младшего оперуполномоченного райгоротдела (отделения). Отмечалось, что каждый сотрудник должен видеть перспективу и твердо знать, что инициативные, настойчивые, профессионально грамотные работники несомненно будут замечены и включены в резерв для выдвижения в аппарат областного управления, а затем и Комитета. Перед Управлением кадров КГБ ССР ставились вопросы об увеличении числа стажеров из республики в подразделениях центра, при этом предлагалось рассмотреть возможность направления их туда с должности начальников отделения Комитета (с предельным возрастом до 35 лет).

Большая часть предложений направлена на искоренение фактов составления приглаженных аттестаций, по которым невозможно определить слабые и сильные стороны сотрудников, дать четкую и дифференциированную оценку их труда. Это обстоятельство, как подчеркивали выступающие, снижает ответственность оперативного сотрудника за состояние дел на порученном участке, не стимулирует его стремление совершенствовать свою профессиональную подготовку. Поэтому предлагалось на собраниях коммунистов гласно и демократично заслушивать и обсуждать отчеты

аттестуемых, утверждать на них характеристики с указанием недостатков и путей их устранения. Таким образом можно будет достичь максимальной объективности оценки результатов труда оперативного и руководящего состава. Вносилось предложение аттестовывать офицеров не через каждые четыре года, а спустя два или три года после назначения на должность, приглашая на заседание аттестационной комиссии аттестуемого и его непосредственного начальника.

В отклике управления кадров КГБ Украинской ССР подчеркнуто, что проявляемое к статье внимание объясняется прежде всего ее необычной формой («Размышления...»), а также активным желанием изучать и использовать для обновления работы с кадрами опыт других органов КГБ ССР. В то же время отмечается, что в республике при перестройке работы с кадрами применяются аналогичные формы и методы.

В частности, в Комитете Украины и его органах накоплен положительный опыт изучения различных проблем путем анкетирования, гласного и демократичного разрешения вопросов, связанных с формированием резерва выдвижения и с выдвижением, награждением, аттестованием, представлением к званиям, направлением на учебу, в загранкомандировки и т. д. Заслуживает одобрения организация профессиональной подготовки лиц, включенных в резерв выдвижения из числа старших оперуполномоченных. Они не только временно исполняют обязанности отсутствующих по различным причинам начальников отделений, занимаются самоподготовкой, но и изучают в специально созданном семинаре вопросы управленческой деятельности, психологию, педагогику, а также практику становления вновь назначенных руководителей.

В отклике выражено сожаление, что ряд новых начинаний московских коллег обозначен схематично. Не раскрыта технология преодоления традиционных подходов к оценке руководителей, привлечения к этому чекистских коллективов. Остались неосвещенными форма и методика изучения служебной загрузки оперативного состава, которые позволили москвичам в короткий срок провести существенные оргштатные изменения и сокращение руководящего состава.

Многие начинания в работе с кадрами, освещенные в статье В. И. Алферова, несколько лет назад начали внедряться в практику и уже положительно зарекомендовали себя в УКГБ ССР по Свердловской области. В условиях широкой гласности, учитывая мнение коллектива, партийной организации, осуществляется формирование резерва выдвижения. Это позволило в 1988 году назначить на руководящие должности 100 процентов офицеров из резерва и почти исключить ошибки при назначении. В Управлении систематически изучаются функциональные обязанности, загрузка оперативного состава, с учетом изменения оперативной обстановки вносятся корректиды в расстановку личного состава. В последнее время были усилены отдельные участки контрразведывательной деятельности. Используются возможности создания временных оперативных групп для сосредоточения сил на решении

возникающих сложных оперативных задач вследствие изменения оперативной обстановки.

В большинстве откликов поддержан тезис В. И. Алферова о том, что руководители должны самостоятельно организовывать работу с кадрами, о необходимости повысить спрос с них за эту работу. Практически в каждом органе есть еще руководители, которые пытаются разделить служебную деятельность на «свою» — оперативную и «чужую» — кадровую. Высказываются предложения о повышении персональной ответственности руководителей подразделений за подбор, расстановку, обучение и воспитание кадров.

Заместитель начальника УКГБ СССР по Горьковской области по кадрам полковник В. В. Киселев предлагает повысить роль старших оперуполномоченных в решении оперативных, кадровых и социальных вопросов. В подразделениях Управления созданы постоянно действующие совещания старших оперуполномоченных, которые активно участвуют в решении таких вопросов. Это позволяет целенаправленно развивать демократические формы работы с кадрами, повышать роль коллективного мнения при выработке ответственных решений, поднять уровень оперативно-служебной деятельности.

При подборе кадров на службу имеются определенные сложности, и поэтому в Управлении подходят к их решению дифференцированно. С учетом потребности в кадрах каждому подразделению определен количественный состав кандидатов, приоритет специальностей. Но не каждый оперработник может участвовать в подборе и изучении кандидатов. За этим участком должны быть закреплены опытные, способные сотрудники. В целях исключения субъективизма в оценке личных и деловых качеств кандидата, по мнению В. В. Киселева, должны участвовать не менее двух оперативных работников.

Большинство приславших отклики полностью разделяют точку зрения автора статьи о необходимости качественно готовить сотрудников, включенных в резерв выдвижения, чтобы они были готовы к исполнению обязанностей с первых же дней пребывания в должности. На местах с удовлетворением воспринято решение о создании курсов подготовки резерва на руководящие должности при Высшей школе КГБ СССР.

Комитет Украины поддержал предложение о непрерывности внешкольной чекистской подготовки и ее планировании на календарный год.

По мнению заместителя председателя КГБ Грузинской ССР по кадрам генерал-майора В. М. Наводничего, в решении кадровых вопросов необходимо прежде всего определить пределы гласности с учетом того, что Комитет госбезопасности является все-таки военной организацией.

Как правило, ратуя за широкую демократизацию, мы имеем в виду ее пользу для коллектива: истина рождается в споре; победит сильнейший; коллектив всегда прав; гласность — гарантия от субъективизма и т. д.

Все это было бы верно, если бы не вступал в силу принцип единонаачалия: руководитель принимает решение, которое зачастую не совпадает с групповым мнением.

Автор статьи, например, пишет: «Решение вопроса в любом случае остается за коллегией, за начальником Управления». Правильное утверждение. Но вторая часть этого тезиса вызывает сомнение: «А вот атмосфера в подразделениях значительно улучшилась, коллективы почувствовали себя активными участниками работы по подбору руководителей». Думается, что в случае не принятия начальником точки зрения коллектива (или одной из входящих в него групп) у его членов наступит ощущение, что с ними просто поиграли в демократию.

Руководствуясь вроде бы общественными интересами, мы забываем о конкретных личностях, у которых в этом случае неизбежно появится скептицизм, недоверие, настороженность.

Нам кажется, пишет далее т. Наводничий, что демократизация в работе с кадрами должна выражаться не в создании условий для «массовок», а в привлечении к этой работе более широкого круга организационных структур (коллегия, партком, партбюро, совещание руководителей соответствующего проблеме уровня и т. д.), включающих лиц, компетентных решать конкретную кадровую проблему.

Такого же мнения придерживаются и в Управлении кадров КГБ Украинской ССР.

В КГБ Белорусской, Украинской ССР, в УКГБ СССР по Горьковской области считают нецелесообразным изменять установленные сроки проведения аттестования, вызывать на аттестационную комиссию каждого аттестуемого, проводить его экзаменовку. Необходимо повышать ответственность непосредственных руководителей за работу с подчиненными в предаттестационный и последующий периоды, за полноту и объективность содержания аттестаций.

Не следует также чрезмерно усложнять процесс формирования резерва выдвижения — создавать номенклатуру парторганизаций, совет секретарей и т. д., так как это может породить новые шаблоны и формализм в работе.

Кадровый аппарат КГБ Белорусской ССР считает, что не следует изменять регламент проведения занятий в системе внешкольной чекистской учебы, осуществлять ее с перерывом на летний период. В то же время нужно добиваться, чтобы самоподготовка сотрудников велась постоянно.

Вызывает сомнение вопрос целесообразности объединения политической и профессиональной учебы в едином семинаре.

Во всех откликах подчеркнута полезность опубликования размышлений В. И. Алферова. Они дали повод для дискуссии, сопоставления точек зрения, что само по себе уже является знанием перестройки. Большинство авторов поддержали приглашение продолжить на страницах Сборника обмен мнениями, опытом по вопросам перестройки работы с кадрами в Комитете госбезопасности СССР.

На темы дня

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ СТРУКТУРЫ И ШТАТОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СИСТЕМЫ КГБ СССР И СОКРАЩЕНИИ РАСХОДОВ НА ИХ СОДЕРЖАНИЕ

Вопросу об упорядочении структуры и штатов подразделений КГБ СССР уделил значительное внимание Председатель Комитета госбезопасности В. А. Крючков в своем докладе на семинаре-совещании секретарей первичных парторганизаций центрального аппарата КГБ СССР 15 апреля с. г. (см. «Сборник КГБ СССР» № 133).

Руководством Комитета госбезопасности предложено Управлению кадров, Инспекторскому управлению и оперативным подразделениям центрального аппарата, а также органам КГБ на местах изучить вопрос о дальнейшем упорядочении штатов и о целесообразности сокращения в ряде КГБ—УКГБ некоторых горрайаппаратов, структурных подразделений по отдельным линиям работы, внести предложения об устраниении излишних организационных звеньев.

Эти предложения реализуются. В частности, в органах КГБ на местах в результате проведения в январе—мае 1989 года оргштатных мероприятий упразднено 25 горрайорганов и 36 других структурных подразделений (отделов, отделений, групп), на 63 единицы уменьшилось количество должностей руководящего состава (из них 7—с предельным штатным воинским званием полковник, 17—подполковник), сокращено и передано в резерв КГБ СССР 89 штатных единиц, снижение фонда денежного содержания составило свыше полумиллиона рублей в год.

При этом в УКГБ по Тамбовской области и КГБ Тувинской АССР объединены вторые отделы с шестыми, а в УКГБ Киргизской ССР по Иссык-Кульской области—2-е отделение с 3, 4 и 6-й группами с преобразованием его в отдел. Мероприятия проведены с сокращением штатной численности и высвобождением части фонда денежного содержания. Инициатива в данном вопросе исходила непосредственно от руководителей этих органов. Постановка предложений мотивировалась необходимостью улучшения организации чекистского труда, устранения параллелизма в деятельности контрразведывательных подразделений и сосредоточения усилий на решении основных оперативно-служебных задач. Подобные предложения по объединению некоторых линейных подразделений, а также упразднению излишних структурных звеньев активно прорабатываются в других КГБ—УКГБ.

Вместе с тем в ряде случаев оргштатные изменения, связанные с уменьшением численности, предусматриваются без адекватного снижения расходов на ее содержание. Отдельные руководители, формируя штатные предложения, стремятся непременно задействовать высвобождаемую численность внутри органа для усиления неосновных участков работы. Такая позиция не согласуется с тре-

бованиями времени и не является оправданной. Еще не учитывается сполна и то обстоятельство, что исключаемая из штатов и переводимая в резерв КГБ СССР численность направляется прежде всего на штатное обеспечение выполнения программ медицинского и социального развития органов и войск КГБ.

Работу по упорядочению структуры и штатов подразделений системы КГБ, экономии средств по смете Комитета госбезопасности требуется расширить и продолжать ее более энергичными темпами.

Управление кадров КГБ СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Толкунов (ответственный редактор), **В. И. Алексеев, П. Ф. Дубровин, В. П. Колесников, Л. А. Постников, К. Т. Пястолов, В. Н. Растворгусев** (зам. ответственного редактора), **Е. Д. Сахаров, В. П. Скоморохов** (ответственный секретарь), **Н. Н. Скороваров** (зам. ответственного редактора), **И. И. Устинов, В. С. Широнин, И. И. Якушев.**

В «Сборнике КГБ СССР» № 134 пронумеровано 64 страницы.

Упоминающиеся в статьях фамилии и псевдонимы в необходимых случаях изменены авторами или редакцией.

Адрес редакции (для секретной переписки): Москва, редакция «Сборника КГБ СССР», тел. ОС 89-21-94, 89-20-22.

Корректоры: Г. Е. Опарина, И. В. Рыбалкина, Л. И. Шулепова.

Сдано в набор 03.07.89. Подписано к печати 24.07.89.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Заказ № 0033. Тираж 4000 экз. Инв. № 44.

Типография Хозяйственного управления КГБ СССР